ОДНА ИСТИННАЯ КОРОЛЕВА

СОЗДАННАЯ ИЗ ТЕНИ

ДЖЕННИФЕР БЕНКАУ

Дженнифер Бенкау

Одна истинная королева. Книга 2. Созданная из тени

«Эксмо»

2020

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

Бенкау Д.

Одна истинная королева. Книга 2. Созданная из тени /
Д. Бенкау — «Эксмо», 2020 — (Одна истинная королева)

ISBN 978-5-04-120579-9

Прошло полгода с тех пор, как Майлин вернулась в свой мир. Но заклинание, произнесенное в королевстве Лиаскай, по-прежнему сохраняет ее связь с Лиамом. Девушку преследуют кошмары, в которых его подвергают жестоким пыткам. Чтобы спасти возлюбленного, Майлин обращается к междумирцу Натаниелю. Вот только он не может помочь своей королеве, потому что утратил магические способности. Теперь им нужно найти способ переместиться в другой мир. В Лиаскае королевы умирают молодыми, но Майлин готова рискнуть.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-120579-9

© Бенкау Д., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 16
Глава 6 20
Глава 7 28
Глава 8 32
Глава 9 34
Глава 10 38
Глава 11 39
Глава 12 43
Глава 13 49
Глава 14 52
Глава 15 57
Глава 16 62
Глава 17 64
Глава 18 67
Глава 19 69
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Дженнифер Бенкау
Одна истинная королева.
Книга 2. Созданная из тени

Всего-то одна жизнь
Разве одна-единственная жизнь что-нибудь значит?

Jennifer Benkau
ONE TRUE QUEEN AUS SCHATTEN GESCHMIEDET
© 2020 Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

© М. Дуденкова, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Как же их много…

Они повсюду. Они прячут лица под масками, их сердца непоколебимы, а стремительные мечи несут смерть. Мой собственный меч дрожит в руках, после каждого отраженного удара боль пронзает руку, плечо, грудь и отдается в голове. Я двигаюсь все медленнее.

Вокруг – влажные холодные стены. В трещинах на каменном полу бурые капли крови. От камней веет безысходностью. Отсюда не выбраться. Мне-то уж точно. Стены давят…

Меня атакуют безликие противники, похожие один на другого. Королевские воины. Быстро они раскусили, что я не из их числа. Уже долго я слепо машу мечом – забыты все разученные техники. Паника взяла надо мной верх. Слышу лишь собственное тяжелое дыхание, стук сердца и кровь, бурлящую в жилах. Кровь, которая сочится из ран, пачкает одежду. Все это слишком… надеяться не на что.

Чудеса закончились. Желание, загаданное на звезду, оно так далеко… Да и не заслуживаю я чуда.

Звуки доносятся будто издалека. Слышу крики словно сквозь толщу воды.

Это меня окунают в воду. Жесткая хватка на волосах, во рту металлический привкус крови.

Вдох-выдох. Жадно глотаю воздух. Нет здесь никакой воды. Это страх, и на вкус он, как река Лирия.

Продолжай дышать! Продолжай. Дышать.

Плечо обжигает болью: меня ранили. Безликий воин передо мной заносит меч. Если не отражу этот удар, он размозжит мне голову…

Кто-то нападает со спины, пытается перехватить мою правую руку. Не успеваю ничего сообразить, реагирую инстинктивно. Будто со стороны вижу, как перехватываю меч другой рукой и вскидываю его, защищая голову от удара. Одновременно с этим бью правым локтем назад и попадаю – кто-то отступает. Отразив удар меча спереди, я стремительно оборачиваюсь к противнику за спиной…

Глава 2

– Майлин?

Люсинда смотрит на меня, широко распахнув глаза. У нее из носа на светлые половицы капает кровь.

Меч выскальзывает из руки. Бамбуковый синай – а не тот двуручный меч. Ну конечно. Я же в додзе, а не во дворце. Но почему у Люсинды идет кровь? Проклятье! Что тут случилось? Я… ранила ее?

Смотрю в испуганные лица других бойцов. Вижу страх даже у тех, чьи лица скрывает защита: страх проступает сквозь маски, словно свет сквозь тонкую ткань. И в лучах этого страха – я.

– Я… я тебя?.. Боже мой! Я не хотела, прости!

Да что на меня нашло?

Я уже собиралась броситься прочь, но тут Люсинда подняла руку. Никто, кроме нее, не смог бы меня остановить. Однако она – моя наставница, а проигнорировать указание наставницы еще неуважительнее, чем ударить ее по носу. Люсинда вытерла кровь, но это не помогло, кровь не остановилась. Какая-то женщина протянула Люсинде носовой платок. Поблагодарив, та приложила его к лицу.

Никак не пойму, что все-таки произошло…

– Мне очень жаль, – лепечу я.

Другие бойцы перешептываются. В ушах у меня шумит, и это даже хорошо – так я не слышу, о чем они говорят.

Что сказать в свое оправдание? Мы просто отрабатывали атаки и техники защиты. Но в какой-то миг я очутилась в другом месте. Очутилась в Лиаскай…

И я перестала быть собой.

– Все в порядке, – говорит Люсинда, обращаясь к другим, не ко мне. – Такое случается. Закончим на сегодня, идите переодеваться.

Нос у нее распух, поэтому голос звучит приглушенно. Я-то знаю: ничто меня не извинит. Да, Люсинда сказала правду, такое бывает, и во время занятия кендо можно ненароком получить по лицу. Но со мной произошло совсем другое. Я потеряла контроль. Человек в подобном состоянии и с мечом в руке… Нельзя, чтобы такое случалось.

Бросив на меня многозначительный взгляд, Люсинда выходит из додзе в коридор и направляется в комнату отдыха для персонала, расположенную напротив офиса. Я следую за наставницей.

Окно в помещении приоткрыто, и висящая над ним музыкальная подвеска тихонько позвякивает на ветру.

– Садись, – распоряжается Люсинда.

И скрывается в соседней комнате – наверное, там ванная. Вернувшись с чистым, смоченным в воде носовым платком, Люсинда садится на диван рядом со мной.

– Мне правда очень жаль, – в который раз повторяю я.

Хотелось бы сказать что-то другое, но на ум ничего не приходит.

– Я не хотела, – шепчу я.

– Это не самое страшное, что случалось с моим носом. Смотри, кровь перестала. – В подтверждение своих слов Люсинда ненадолго убирает платок и успокаивающе улыбается. Но у нее из носа все еще идет кровь. – Лучше скажи, что все-таки произошло?

Отмолчаться? Ага, не хватало еще разозлить Люсинду. Но что ей ответить? Что мне привиделся дурной сон и в последнее время мне часто снятся кошмары? Только грежу я наяву.

И раньше это были обрывочные видения, короткие флешбэки, врывавшиеся в реальность. Но на этот раз я перестала быть собой, и мир вокруг тоже изменился. Это хуже. Гораздо хуже.

И я просто говорю:

– Я больше не приду сюда. На мгновение я потеряла контроль над собой.

Опустив платок, Люсинда выгнула бровь, будто я неудачно пошутила.

– Ты почувствовала, что потеряла контроль над собой? Серьезно? Ты?

Вместо ответа я горько усмехнулась. Неужели я так сильно стукнула ее по голове и она ничего не помнит?

– Тебе не свойственна агрессия, Майлин. Уж поверь, я разницу знаю. Ты боялась. У тебя была паническая атака?

Я вздрогнула: видимо, в предположении Люсинды есть доля правды. Паническая атака – да, похоже на то. Это было воспоминание. Только вот не мое. У меня не может быть таких воспоминаний.

Люсинда положила руку мне на колено:

– Майлин, за последние полгода тебе пришлось многое пережить… Это любого выбило бы из колеи. От этого не избавишься, просто делая вид, будто ничего не произошло.

Я не ответила, лишь покачала головой.

– Эй, следующие три дня я буду ходить со сливой вместо носа! Другие тренера же засмеют. Не хочу такое говорить, но ты задолжала мне объяснение.

Молча смотрю на висящую у окна музыкальную подвеску. Люсинда права. Но, увы, у меня *нет* объяснения. Могу ли я рассказать ей о своей связи с человеком, которого не существует в этом мире, а связь, может, воображаемая? Вряд ли.

– Ты изменилась.

Я не смотрю на Люсинду, но чувствую, что она посерьезнела.

– Это связано с твоим исчезновением? – допытывается Люсинда. – Тогда что-то случилось?

Она не в первый раз спрашивает об этом. Мы с Натаниелем отправились в Лиаскай, а сами утверждали, что ездили в Лондон. О нашем исчезновении ходило много слухов, и даже Люсинда, которой обычно нет дела до сплетен и болтовни, не осталась в стороне. После нашего возвращения из Лиаскай Натаниель больше не появлялся в додзе, мы старательно избегали друг друга, и все это лишь подлило масла в огонь подозрений Люсинды. Она решила: между нами что-то произошло.

– Я влюбилась, – признаюсь я.

С Люсиндой не поспоришь: я задолжала ей правду.

– В Натаниеля, – не спрашивает, а утверждает Люсинда, с босыми ногами забираясь на диван и откидываясь на спинку.

– Нет. В кое-кого другого.

Придвинувшись ближе, Люсинда приобнимает меня за плечи:

– И в кого же?

Ах, сколько всего прозвучало в ее вопросе… Кто это? Что он натворил? Что между вами случилось?

– Его зовут Лиам.

Как и всегда, от звука его имени по телу будто прокатывается ударная волна. Хочется свернуться калачиком на полу – сколько же невыносимой боли причиняет тоска… Но, как это обычно бывает после взрыва, боль сменяется оглушением, тупым и беззвучным, и я могу вымученно улыбнуться.

– Может, расскажешь что-нибудь про него? – с любопытством спрашивает Люсинда.

И тут мое желание хоть немного поговорить с Люсиндой о Лиаме растаяло, словно сон в миг пробуждения. Она не поймет, в чем тут загвоздка, и, сама того не желая, лишь разбередит рану.

– У тебя есть его фото?

– Нет, не расскажу. И фото тоже нет. Мы не можем быть вместе, он живет бесконечно далеко отсюда…

– Как насчет скайпа? Вы хоть изредка созваниваетесь?

Качаю головой:

– Это невозможно.

Люсинда умолкает, хотя с ее губ уже было готово сорваться: «Но…» Все же она поняла, что проблема у меня посерьезнее, нежели просто любовь на расстоянии.

– Он не отвечает тебе взаимностью? – осторожно интересуется Люсинда.

– Увы! Я сломала ему нос, и с тех пор он меня ненавидит, – шучу я.

Шутка вышла слабая, но мы с Люсиндой натянуто улыбнулись.

– Нет, все не так, – объясняю я. – К сожалению, он тоже меня любит. Любил. Но прошло целых полгода, может, он обо мне и думать забыл.

Для Лиама так было бы лучше всего… И это самое малое, что я могу ему пожелать. Пусть он будет счастлив, не одинок. Но интуиция, наша с Лиамом связь и мои узы с Лиаскай – с каждым вздохом я чувствую легкое покалывание в том самом месте, где тиара Стелларис коснулась лба, пустив в меня магию Лиаскай, – все это шепчет, что Лиам не забудет меня, даже если очень захочет. Я сама все так устроила, обрекла нас обоих на жизнь с тоской. Но самое ужасное – мне это нравится. Глубоко за тоской, томлением и болью я чувствую непоколебимую уверенность: несмотря ни на что мы с Лиамом будем вместе, в этой жизни или в следующей.

– Майлин?

Люсинда встревоженно смотрит на меня. Только теперь я поняла, что гляжу в пустоту.

– Прости, – торопливо говорю я. – Это не объяснение…

– Ничего страшного, – пытается успокоить меня Люсинда, но она утешает лишь Майлин из Ирландии. Ту неуверенную девушку, которой я была до путешествия в Лиаскай. Там я стала другой. И Люсинда даже помыслить не может, какая опасность кроется внутри меня.

Встаю с дивана. Двигаюсь вроде нормально, но почему-то чувствую себя неуклюжей и страшно уставшей.

– Повезло, что никто, кроме тебя, не пострадал. Я потеряла контроль над собой… и не могу пообещать, что больше такого не повторится.

Повторится. Станет только хуже.

– Лучше я на какое-то время прекращу тренироваться. Пока…

«Пока никого не прикончила», – мысленно договариваю то, что не могу произнести вслух.

Тогда я не смогла этого сделать. Позволила Кассиану ускользнуть, потому что оказалась не готова переступить ту черту… Не могла убить человека, даже негодяя из негодяев. И с тех пор жалею о том, что не смогла отнять у него жизнь всякий раз, когда Лиаскай мягко завлекает меня в сети, манит к себе.

Ах, если бы я могла последовать ее зову! Второй раз Кассиану живым не уйти…

Люсинда не пытается меня переубедить. Она догадывается, что я права. Может, чувствует: что-то во мне изменилось. Что именно – объяснить невозможно. Не в этом мире. Не в Завременье.

Лиаскай преобразила меня, и скоро я больше не смогу скрывать это. Я теперь воин. Я теперь лгунья. Даже сбежав, я осталась… Королевой.

Глава 3

– Майлин? Привет.

Голос Натаниеля звучит глухо, словно он, произнося мое имя, пытается подавить тяжелый вздох.

Да, не спорю, прежде я звонила Натаниелю не в лучшие минуты моей жизни, но зачем так безжалостно об этом напоминать?

– По голосу понятно, как ты рад меня слышать.

– Я задаюсь вопросом, откуда придется забирать тебя сегодня. И почему. Ты опять баловалась травкой?

– Да не балуюсь я травкой! И никогда не баловалась!

Речь о совершенно безвредных маленьких пирожных, экстра-шоколадных «брауни с секретом». Рави с сестрой испекли их в честь моего восемнадцатилетия. Рави предупреждал, но откуда мне было знать, что даже двух крохотных брауни окажется слишком много?

– Опять ноги не держат? – насмехается Натаниель.

– Кривизна Земли, не слышал о таком?

Однажды я испытала ее так отчетливо… казалось, что я вот-вот упаду, кувырком покачусь по земле. В отличие от Натаниеля мне было совсем не до смеха.

– Да-да, ты почувствовала движение земной коры. Я отлично это помню, хотя предпочел бы забыть.

– Это вообще было в другой раз, и тогда я перебрала с джин-тоником.

– Я придерживал твои кудри, пока ты обнималась с унитазом, так что точно знаю, с чем ты перебрала.

– Буду вечно признательна, если ты перестанешь мусолить эту тему.

Я быстро прекратила попытки утопить тоску и грезы в том, что стало доступным с совершеннолетия. Ничего не помогало, наоборот, становилось только хуже. После этих отчаянных и неприятных случаев мы с Натаниелем почти перестали общаться. Может, он думал, что меня уже засосало в наркотическое болото.

– Так что на этот раз? – интересуется он, не скрывая скепсиса.

Зажав смартфон между ухом и плечом, я складываю детские рисунки в аккуратную стопку на письменном столе.

– Поразительно, но в твоем голосе я не слышу отчаяния. Ты ли это? – удивляется Натаниель.

Не надо обижаться на Натаниеля за цинизм, но я все равно обижаюсь. Бывает, что после встреч и разговоров по телефону кому-то из нас становится легче. Мы связаны общими воспоминаниями. Только с Натаниелем я могу поговорить о сестре, потому что он знал ее по-настоящему. Всем прочим она много лет казалась просто безвольным телом, о котором нужно заботиться. Мы с Натаниелем единственные, кто помнит, как прекрасно она ездила верхом, как ей нравились театр и зимний сад, полный диковинных птиц, как беззаветно она любила свое королевство. С Натаниелем можно обсудить Лиаскай, но и ему я рассказала не все. Он до сих пор ни сном ни духом не ведает, что Лиаскай и вся ее невероятная пугающая мощь – в моей голове. Мне страшно: вдруг, если я поделюсь этим с кем-то, все станет явью? Вот я и молчу.

А тут еще Лиам. Мне так хочется поговорить о нем, что сердце разрывается. Но стоит Натаниелю услышать это имя, он сразу замыкается в себе и взгляд у него словно каменеет. С тем же успехом можно общаться с парковочным автоматом, он хотя бы реагирует, когда нужно снова бросить в него монетку.

– Я кое-что нашла. Выслушай меня сначала! – возмущаюсь я и тут же добавляю, не дожидаясь его недовольных стенаний. – Нет, слушай не слушай, а толку не будет. Надо встретиться. Можешь приехать и посмотреть?

Слышу, как Натаниель вздыхает.

– Давай на выходных? – не сдаюсь я.

Несколько месяцев назад Натаниель вернулся в Тринити-колледж и сейчас живет в Дублине. Когда-то он изучал там фармацевтику и теперь, оказавшись со мной в Завременье, продолжил обучение. Поначалу мне казалось это странным. Разве фармацевтика подходящее занятие для того генерала и воина, с которым я познакомилась в Лиаскай? Но позже я поняла: Натаниель занимается фармацевтикой, потому что не мог изучить эту профессию у себя на родине, получает знания, которые пригодятся в Лиаскай. Он был и остается стратегом. Как и я, Натаниель верит, что вернется туда.

Можно понять, почему Натаниель так раздражен: все мои предыдущие зацепки оказывались пустой тратой времени и сил, к тому же вели в никуда.

– А компакт-диск? Напомнить тебе, Майлин?

– Конечно, можешь напомнить, – отвечаю я приторным голосом. – Но, если сделаешь это, знай, ты – полная свинья!

Натаниель не упускает случая попрекнуть меня той историей. Вскоре после нашего возвращения я искала в коробках на чердаке вещи отца. Наткнувшись на диск с композициями «Металлики», среди которых была песня «Nothing Else Matters», я решила, что поиски наконец-то увенчались успехом. В Лиаскай эту песню играл на гитаре Лиам. Ладно, та мелодия была несколько другой, но имела очень много общего с песней «Металлики». Нет, это не случайное сходство! Отец записал на диск именно «Nothing Else Matters»… Это ведь что-то значит? Я тогда была совсем ребенком, но помню: папа очень любил этот трек. Почему же он не забрал диск с собой? Вдруг он ушел туда, где не на чем слушать компакт-диски?

А вдруг мой отец – междумирец? Натаниель заявил, мол, это полный бред. И не устает повторять, что такие компакт-диски хранятся в шкафу у любого ровесника моих родителей.

Я очень расстроилась. Мысль, что папа – междумирец, казалась такой логичной… Это объяснило бы все! Например, почему двенадцать лет назад он исчез в неизвестном направлении и ни разу о себе не напомнил. Однако Натаниель полагал, что я живу фантазиями, потому что потеряла много близких людей и не смогла с этим смириться. Мы тогда разругались в пух и прах и с тех пор почти не общались.

– Так что на этот раз? – недоверчиво переспрашивает Натаниель. – Я не приеду, если это опять старое барахло твоего отца.

– Скажем так: это относится к его вещам.

Натаниель тяжело вздыхает:

– Майлин…

– Но это мое, а не папы. Приезжай, я покажу!

Поколебавшись, Натаниель все же соглашается:

– Ладно. Я все равно собирался еще раз заехать в Килларни.

Тут Натаниель сделал паузу, и я почувствовала: он хочет сообщить что-то очень важное.

– Скоро я уеду в Нью-Йорк. Тринити-колледж и Колумбийский университет предлагают двойную степень, а я не идиот упускать такой шанс.

– Здорово… – говорю я.

Может, по моему голосу Натаниель понял, что во рту у меня пересохло. Нью-Йорк.

Вот и Натаниель скоро уедет. Все меня бросают… Но я не могу злиться: я и сама жажду покинуть этот мир, ведь теперь принадлежу другому.

Натаниель решил приехать в субботу, и мне пришлось ждать еще два дня, потому что сама я не могла отправиться в Дублин посередине недели. Имей я право поехать туда в одиночку – сразу бы умчалась. Но помимо учебы я подрабатываю в «Теско»: расставляю товары по полкам, так что свободного времени у меня в обрез, и получается брать всего один урок вождения в неделю. Наверное, мамин старый «фордик» заржавеет раньше, чем я получу водительское удостоверение. Я попросила бы помощи у Рави, но вскоре после успешной сдачи экзамена на права он превысил скорость и теперь ездит исключительно на велосипеде.

Время тянется бесконечно, а я постоянно ловлю себя на том, что достаю из папки детские рисунки и ищу скрытые подсказки. Я в отличном настроении, поэтому мама поглядывает на меня с любопытством и некоторой обеспокоенностью, желая понять, уж не из-за свидания ли меня так лихорадит. На лице у нее написано невероятное облегчение: наконец-то я веду себя как обычная восемнадцатилетняя девушка. Можно принять меня за нормального человека!

Гоню прочь мысли о том, что настроение мне поднимают только попытки отыскать путь в Лиаскай. Путь, который уведет меня прочь от мамы… И тогда я вспоминаю, что должна бороться с тоской, хотя мне известно, какую цену в дальнейшем за это придется заплатить.

Мама потеряла всех – всех, кроме меня. Родители у нее рано умерли, папа ушел, а Вики… Вики тоже ушла. Да как я смею даже думать о том, чтобы оставить маму совсем одну?

Потираю лоб, царапаю в том месте, где все еще чувствую тиару Стелларис, пока ледяное покалывание не исчезает.

Однако оно вернется.

Глава 4

– Ну? – спрашиваю я. – Что ты видишь?

Стоило Натаниелю переступить порог комнаты, как я сунула ему в руки рисунок, который он теперь рассматривает. Мама в гостях у подруги, иначе Натаниель не решился бы зайти. С тех пор как мы вместе пропали, мама винит его во всех бедах мира.

– Грустное пасхальное яйцо? – предполагает Натаниель.

Я отбираю рисунок.

– За дуру меня держишь? Это же Церцерис! Да, не идеально круглый, а овальный… Но сколько мне было лет, когда я его рисовала? Три-четыре года. Почему я намалевала синее яйцо с голубыми звездами, которые образуют букву W – созвездие Кассиопеи?

– И правда, почему? Ты помнишь?

Я возмущенно засопела:

– Это воспитательница подписала мое имя, иначе я бы вообще не знала, что это мой рисунок. А сам-то ты помнишь, что рисовал в четыре года?

Не успел Натаниель и рта раскрыть для ответа, как я сказала:

– Неважно. Может, ты писал четыре научных трактата, если тебя что-то интересовало. А меня заинтересовало это. – Машу рисунком перед носом Натаниеля. – Значит, я его где-то видела.

Натаниель сел на мою кровать, упершись локтями в колени. Рисунок его не убедил, но есть кое-что еще.

Протягиваю ему рисунок:

– Сложи его по линиям сгибов. Внутрь.

Натаниель сделал, как я сказала, и, сложив листок, выдвинул вперед обе наружные четвертушки. Самообладания Натаниелю не занимать, и по его лицу совсем не понятно, что он растерялся. Однако я чувствую: его переполняет изумление.

Круглое синее внутри еще может быть совпадением. Но золотой круг снаружи, по центру которого красуется руна, похожая на букву H, только с двумя перекладинами вместо одной… Нет, никаких сомнений.

– Рисую я бездарно. Но здесь точно изображен Церцерис с символом клана.

– Действительно, похоже на то.

Вот это да! Натаниель не пытается найти иного объяснения?

– А ты расспрашивала маму? Вдруг она знает больше, чем говорит, – интересуется Натаниель.

– Если бы! – я вздыхаю. – Мама правда ничего не знает. Однако она назвала мне какой-то адрес в Дублине. Последний, с которого с ней связывался папа.

– Интересно… Я думал, никакого адреса нет.

– Сама так думала, но это не дает мне покоя.

Нервно прохаживаюсь по комнате. Мама со слезами на глазах просила не искать отца, мол, он снова причинит мне боль. Видеть маму в таком состоянии было очень тяжело. Но я не отступилась и пригрозила: если она не поможет мне, то я отыщу отца в одиночку.

– Мама говорит, что телефонную связь там отключили, а почту давным-давно вернули обратно. Папа там больше не живет, это точно. Но вдруг кто-то из соседей знает, куда он переехал? Может, в доме остались какие-то его вещи…

– Может. – Красивое лицо Натаниеля тронула печальная улыбка.

Я хожу туда-сюда по комнате, поэтому он ловит меня за руку, мягко удерживая на месте.

– Может, ты гоняешься за тем, кого не существует, – говорит он. – Не существует в этом мире. Допустим, твой отец междумирец…

– Так ты думаешь, что это возможно?

Посмотрев еще раз на рисунок, Натаниель перевел внимательный взгляд на меня.

– Знаешь, – произносит он, заставляя мое сердце биться быстрее, – я все думал, как тебе удалось ускользнуть во время нашего первого прыжка? Может, дело в том…

– …что во мне есть магия клана?

Натаниель пожимает плечами:

– Даже если так, подумай еще раз. Твой отец бесследно исчез много лет назад. Если – да, Майлин, «если», потому что это маловероятно, – если он междумирец, в Завременье его нет.

Понятное дело. Если отец вернулся в Лиаскай, он точно забрал с собой Церцерис, а значит, и наш последний шанс отправиться за ним следом.

Натаниель поглаживает мою ладонь, и из-за этой ненавязчивой ласки я вдруг понимаю, что он по-прежнему удерживает меня за руку.

– Майлин, знаю, я говорю это часто, но…

– Слишком часто! – воскликнула я, пытаясь вырваться, однако его мягкое прикосновение вмиг превращается в крепкую хватку. – Но попробовать-то можно? Уже сколько месяцев я держу себя в руках, втискиваюсь в эту жизнь, словно в невозможно узкие джинсы, которые впиваются в кожу, вызывают боли в животе и не дают нормально дышать? Пытаюсь смириться с тем, что не вернусь в Лиаскай. День за днем заставляю себя поверить, что моя жизнь – здесь. Но ничего не получается!

Я снова дернула рукой, и на этот раз Натаниель меня отпустил.

– Притвориться, что все замечательно? Запросто! Но я слабею и устаю разыгрывать этот спектакль. Это меня убьет. Да, знаю, я сама во всем виновата. Но это дела не меняет.

Натаниель качает головой:

– Не думаю, что ты в самом деле наложила заклятье. А его действие ты ощущаешь, потому что хочешь в это верить.

Поджимаю губы. Натаниелю не понять такой магии, однако это не значит, что ее нет. Неважно, в чарах ли тут дело или в чем-то другом, но между мной и Лиамом есть связь.

– Я вижу во снах то, что он пережил, – признаюсь я. – Мне снятся кошмары Лиама.

Натаниель выдерживает мой взгляд:

– Ты не знаешь, так ли это.

– Да ты понятия не имеешь, что я знаю, а что нет!

– Он тебе снится, я верю. Разве может быть иначе? Ты ведь любишь его.

Неужели в голосе Натаниеля я слышу горечь? Он все еще…

– Ты тоскуешь по нему, – говорит он. – Сны – игра твоего подсознания.

– Ну конечно. Так сильно тоскую, что хочу оказаться в теле Лиама в тот миг, когда он охвачен безумным страхом.

Вот, опять. Стоит произнести его имя, как голову простреливает сильной болью, затем сразу наступает онемение, и я ничего не чувствую.

– Ты боишься за него, – мягко объясняет Натаниель. – Майлин, что бы ни случилось, Салливан со всем разберется. И без тебя он сделает это даже лучше, чем с тобой.

Наверное, Натаниель прав. Из-за меня Лиам сдался в руки своим злейшим врагам, вооруженный лишь мужеством и надеждой. Но я не могу отделаться от чувства… Нет, я совершенно уверена: не вернись я тогда в Лиаскай, Лиаму не помогли бы ни мужество, ни надежда.

– Эти сны мог наслать он сам, – спокойно замечает Натаниель. – У ткачей снов магия… особенная. И очень мощная.

Звучит так, будто Натаниель убедился в этом на собственном опыте.

– Знаешь, что я сказала маме, когда спросила адрес отца? – шепчу я. – Мол, если она не поможет, я все сделаю сама. Тебе говорю то же самое. Надо попытаться, я просто не могу иначе. Это из-за меня Лиам оказался в такой ситуации.

Натаниель встает с кровати. Он стройный и мускулистый, но двигается почему-то тяжело.

– Значит, все было напрасно. Все, чем пожертвовал Салливан, чем пожертвовал я сам. Мы напрасно спасали тебя.

Я чувствую закипающую ярость. Лоб словно обжигает холодным пламенем.

– Я здесь ни при чем! – процедила я.

Натаниель обнимает меня за плечи: нежное прикосновение, но я отлично знаю, что оно может превратиться в жесткую хватку, поэтому не сопротивляюсь, пусть мне и хочется, чтобы он убрал руки.

– Я тоже.

– И все же ты поможешь мне?

– Не хочу.

Ну, это не однозначный отказ.

– Но ты ведь хочешь домой?

Лиаскай… Не знаю, что нас там ждет, но Лиаскай – наша родина. Она всегда была родиной Натаниеля. Может, и моей тоже.

– Не имеет значения, чего я хочу, – тихо отвечает Натаниель.

Прости, Натаниель, не хотелось пускать в ход эту карту, но ты не оставил мне выбора.

– Зато имеет значение, чего хочу я, генерал Бэджет. Моя сестра мертва. Я – твоя Королева.

Глава 5

Несколько дней беспрерывно лил дождь, поэтому теперь на дорогах стоит вода, и мы осторожно едем на машине по затопленному Килларни. Однако облака рассеялись и над городом раскинулось чисто умытое, по-зимнему голубое небо. Мы с Натаниелем долго смотрим на церковь: ее крыша в лучах полуденного солнца отливает медью. Каждый из нас знает, о чем сейчас думает другой. На кладбище за этой церковью погребена Вики. Натаниель тайком пришел на похороны и тихо держался поодаль, чтобы не расстраивать мою маму.

Но вот тень, отбрасываемая церковью на дорогу, остается позади, а мы едем дальше.

– Ты как? – интересуется Натаниель.

Отделаться ничего не значащим «хорошо» или «порядок»? Нет уж. Мы врали друг другу так часто, что хватит на целую жизнь.

– Больнее всего от мелочей, – говорю я, глядя в окно, за которым все кажется заплаканным. – День рождения прошел хорошо. И Рождество тоже. Новый год выдался совсем чудесным. У меня получалось жить без Вики. Но с мелочами я ничего не могу поделать. Мимолетный аромат, напоминающий о Вики. Или я что-то вспоминаю, чувствую себя счастливой – но тут обрушивается реальность, разбивая все вдребезги. Слышу какую-то песню и думаю: «Спеть бы ее Вики!» А спустя секунду осознаю – Вики больше нет. И так постоянно, никогда не знаешь, в какой миг это снова нагрянет. Будто порез бумагой: совсем не ожидаешь, поэтому очень больно.

Даже сквозь гул мотора слышу, как Натаниель тяжело вздыхает:

– Мне невыразимо жаль, что мы ее не спасли.

– Знаю. А ты не задумывался, почему у нас не получилось?

Натаниель не отрывает взгляда от дороги, но я чувствую, что все его внимание направлено на меня.

– Ты о чем? – спрашивает он.

– Мы решили, что перенеслись слишком поздно, и поэтому Вики умерла. Но вдруг дело не во времени?

– К чему ты клонишь? Скажи прямо.

Не сомневаюсь, Натаниель давно сообразил, о чем я говорю. И ему не по себе. Наверное, он надеется, что неправильно все понял. Теперь Натаниель смотрит на меня, лишь краем глаза следя за дорогой.

– Натаниель, Лиаскай по-прежнему во мне. Я ее чувствую. Лиаскай – часть меня, и она что-то со мной делает.

Я замечаю это по глазам других людей. Они всегда задерживают взгляд на мне чуть дольше положенного. Зрачки у них расширяются. Иногда люди невольно приоткрывают рты. Я знаю, что они видят: сама замечала это в Вики. Сияние. То самое сияние, в котором погасла сестра.

Смотрю Натаниелю в глаза:

– Почему мы так уверены, что частичка Лиаскай, которая убила Вики, не перенеслась со мной сюда?

Закусив губу, Натаниель снова перевел взгляд на шоссе. Он в растерянности, но не собирается лгать самому себе. Нельзя нам больше обманываться, времени на это нет.

– Мы надеялись, – шепчет он. – Я полагал, что надежда чего-то стоит.

Бездумно накрываю своей ладонью ту руку Натаниеля, которой он держит руль.

– Надежда дорогого стоит. И она нам понадобится. Но, боюсь, одной надежды мало.

Мне не хотелось давить на Натаниеля, поэтому я скрывала свои подозрения. Однако другие аргументы вернуться в Лиаскай он просто не примет. Моя любовь к Лиаму для него ничего

не значит. Наш побег из дворца, жертва, на которую пошел Лиам, – после всего этого Натаниель его зауважал, пусть и неохотно. И теперь ненавидит Лиама еще сильнее. Тоска по Лиаскай? Да, Натаниелю она не чужда – но он желает быть выше, сильнее этой тоски.

Против третьего аргумента Натаниелю возразить нечего. Получится ли спасти мне жизнь в Лиаскай? Большой вопрос. Возможно, эта попытка меня убьет. Но здесь, в Завременье, нам остается только ждать, когда я стану бледной, прозрачной и растворюсь в лучах Лиаскай, как это случилось с Вики.

Только сейчас я заметила, что все еще сжимаю руку Натаниеля. Он внимательно следит за дорогой, но все его мысли – обо мне. Нет, нельзя сокращать дистанцию между нами, это нечестно. Натаниель упорно держится от меня подальше, потому что ему больно находиться рядом со мной.

Порой я испытываю смутное желание, словно легкий ветерок, оно кружит в моих мыслях: вот бы забыть Лиама. А еще лучше – никогда его не встречать. Тогда все было бы просто! Сомнений нет, я точно влюбилась бы в Натаниеля. Он честный и мужественный. Слово Натаниеля останется нерушимым, даже если мир будет лежать в руинах. Я полюбила бы Натаниеля всей душой, ведь не любить его невозможно. Только сердце у меня полно чувств к другому, и неважно, как он далек, как он недостижим… Может, сердце больше не со мной, а в другом мире, вместе с Лиамом?

Спустя два часа навигатор привел нас в район на северо-западной окраине Дублина. Мы медленно лавируем между внушительными многоквартирными домами, которые отличаются друг от друга только цветом входных дверей. В слякоти на лужайке мальчишки гоняют мяч, а какая-то кошка переходит дорогу до того неторопливо, что Натаниелю приходится резко затормозить. Я не могу отделаться от пугающей мысли: папа живет здесь. Вдруг дверь откроет его новая жена и у нее из-за спины с любопытством выглянут дети? Его дети… Вдруг здесь нет никакой тайны и папа просто променял нас на другую семью?

Всю поездку сидеть было вполне удобно, а теперь меня мотает по сиденью. До чего неприятно! Мы въехали в парк, и машину затрясло по ухабистой дороге. Но вот опять показались дома. Старые дома. Никаких тебе цветных дверей, тротуар не разглядеть среди бурьяна. А мы все едем и едем, пока навигатор не оповещает, что мы добрались до пункта назначения.

Я невольно вздрагиваю: там, где асфальтированная улица сменяется проселочной дорогой, изборожденной следами тракторных шин, стоит всего один дом. Окна заколочены, входная дверь криво висит на петлях. Черепица с крыши местами осыпалась, и ее замшелые обломки валяются возле дома. Дом отца пуст. И пустует он давно.

– А ты чего ожидала?

По голосу слышу: Натаниель тоже разочарован. Как и я, он надеялся что-то здесь обнаружить. Только в отличие от Натаниеля я не сдамся так быстро. Со вздохом вылезаю из машины. На окраине Дублина погода лучше, чем у нас на западном побережье. Во всяком случае сейчас, когда не дуют пронзительные восточные ветры. В воздухе чувствуется что-то странное, и я понимаю – это исходит от дома. Похоже на запах, однако он давно должен был выветриться… Мне не по себе. Вот бы сесть в машину и уехать домой! Но я отмахиваюсь от этого чувства и направляюсь прямо к дому, хотя идти туда совсем не хочется.

Дверь заколочена досками, чтобы никто не вошел. Или… чтобы никто не вышел.

– Эй, вы! – вдруг раздался каркающий женский голос.

Я стремительно оборачиваюсь. На другой стороне дороги стоит, опершись на клюку, невысокая седовласая старуха. У ее ног – большая корзина. И откуда старуха здесь взялась? Бросаю взгляд на Натаниеля: он ждал в машине и тоже не заметил ее появления. Натаниель вылезает из машины и идет к старухе.

– Вам помочь? – прошамкала она.

Нетрудно догадаться, что ее интересует на самом деле: «*Кто вы такие и что вам нужно?*»

– Да, помощь не помешает, – Натаниель улыбается, но едва ли улыбка делает его менее устрашающим в глазах других людей. Увы, но многие относятся к нему так, потому что кожа у него слишком темная.

Вот и на морщинистом лице старухи написано недоверие.

– Мы ничаво не покупаем. У нас все есть, и ничаво нам не надо. И сами ничаво не продаем, так и знайте!

– Вы живете поблизости? – интересуется Натаниель.

Старуха недовольно указывает себе за спину: я вижу лишь высоченную изгородь, из-за которой торчат по-зимнему голые деревья. Они похожи на костлявые руки, которые тянутся к небесам. Воображение рисует домик злой колдуньи, окруженный лабиринтом из терновника.

– Мы ищем человека, который жил в этом доме, – объясняю я старухе, подойдя к Натаниелю.

– Здесь давно никто не живет, – отвечает она.

– А несколько лет назад?

Проклятье, почему я не захватила с собой папину фотографию?

К моему изумлению, старуха ворчит:

– Старина Уолш. Последний, кто жил в этом доме. Старина Уолш да бутылки из-под виски…

Сердце у меня забилось быстрее.

– А когда вы его в последний раз видели? – спрашивает Натаниель.

Старуха задумалась. И вдруг лицо у нее просветлело:

– Ну, когда его ножками вперед вынесли. Упился-таки вусмерть.

Я столько лет ничего не слышала об отце. Долгое время пыталась убедить себя, что мне все равно. Раз ему на меня плевать, значит, мне на него тоже. Однако новость о его смерти выбила у меня почву из-под ног.

– Когда? – шепчу я.

Старуха фыркает:

– Лет двадцать назад, ежели не больше. Двадцать два года назад?

От облегчения голова закружилась. Я хватаюсь за плечо Натаниеля, и тот придерживает меня за талию. Старуха говорит не об отце! Она имеет в виду деда. Папа много лет с ним не общался, с тех пор как умерла мать. По словам папы, только она прикладывала усилия, чтобы он вырос разумным существом. Тогда я не понимала, что это значит, а на мои расспросы папа отвечал уклончиво.

– И с тех пор здесь никто не жил? – допытывается Натаниель. – Дом выглядит заброшенным, однако он не слишком обветшал за эти двадцать лет. Кто-то о нем заботился?

– У старого мистера Уолша был сын, – встреваю я. – Не припоминаете?

– А, точно. Мелкий паршивец, – Старуха кивает. – Мы прозвали его Маки. Мы с мужем – земля ему пухом.

– Макер, – шепчу я.

Папу зовут Макер.

Взгляд старухи затуманился: она погрузилась в воспоминания.

– Да, верно, – говорит она. – Рано он покинул родительский дом, хотел мир посмотреть.

Мы с Натаниелем переглядываемся. Может, не только этот мир…

Старуха пожимает плечами:

– Но его я сто лет не видела. На кой он вам сдался?

– Мы должны сообщить ему нечто важное, – уклончиво объясняет Натаниель.

– Он мой отец, – перебиваю его я. – Меня зовут Майлин Уолш.

Прищурившись, старуха окидывает меня взглядом и молча кивает: она будто сравнила ребенка из своих воспоминаний со мной и обнаружила сходство. Ее губы растягиваются в горькой улыбке:

– Значит, он и впрямь стал человеком, который постоянно дает деру. Я подозревала, что так будет. Жаль мне тебя, девочка. Но его здесь нет.

– Мы все же осмотримся, – настаивает Натаниель. – Может, остались какие-то его вещи…

– Ох, нет-нет!

На мгновение мне показалось, что старуха сделалась на несколько сантиметров выше.

– Не ходите туда! Никто туда не ходит. Дом заколочен.

– Мы только… – пытаюсь возразить я.

Однако старуха подносит к моим губам крючковатый палец, будто заставляя замолчать.

– Ты не понимаешь, дитя, – каркает она. – Молодежь! Думаете, мол, все-то вы знаете. Но вы ничего не знаете, ничегошеньки. Там, в доме, живет грогох[1]!

Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Суеверия, ну конечно. Вера в эльфов и прочих существ. В Лиаскай я столкнулась с тем, что другие люди считают чистым вымыслом, и теперь верю во многие вещи. Но пока всем свидетельствам, якобы доказывающим, что эльфы, гоблины и призраки существуют, мне удавалось найти рациональное объяснение.

– Грогох ничего нам не сделает, – с трогательной серьезностью уверяет Натаниель, не желая обидеть старуху. – И мы ему тоже.

Ясное дело, спорить со старухой – только время зря тратить. Теперь я поняла, зачем ей корзина: она носит еду самому отвратительному из всех ирландских фейри. А иначе он сам проберется к ней дом и возьмет все, что ему нужно. Наверное, только благодаря суевериям старухи дом до сих пор не снесли и не построили на его месте новый. Старуха скорее вызовет полицию и обвинит нас в незаконном проникновении, чем позволит напугать грогоха. Вдруг он поселится у нее погребе?

– Большое спасибо за помощь, – говорю я и, схватив Натаниеля под руку, тащу его к машине.

– Удачи в поисках отца, Майлин! – кричит нам вслед старуха.

– Серьезно? – уточняет Натаниель, когда мы уже сидим в машине. – Мы спасуем перед персонажем сказок? Ты ведь понимаешь, что старуха кормит крыс?

– Мы уедем, – отвечаю я, пристегиваясь. – Стемнеет, старуха уляжется спать. Вот тогда и вернемся.

[1] Персонаж кельтской мифологии, похож на домового.

Глава 6

В темноте легко представить, что старый дом населен феями и призраками.

Машину мы оставили чуть поодаль, а теперь тихо крадемся к дому. Конечно, старуха не сидит в засаде, желая поймать нарушителей спокойствия грогоха, но все равно не хочется, чтобы нас заметили. Луну затянули облака, и корзину у подножья лестницы мы заметили, когда чуть об нее не споткнулись. Натаниель светит на нее телефоном. Корзина пуста.

– Шустрые крысы.

И снова это неприятное чувство! Что-то исходит от дома, словно предупреждая меня: «Проваливай!»

Значит, не зря мы сюда пришли.

Натаниель ощупывает доски, которыми заколочен проход:

– Вскрыть можно. Но старуха услышит, а мне не хочется разбираться с полицией.

Тихонько хмыкаю. До побега из Лиаскай Натаниель был генералом королевского воинства, министром Мира и Войны – ему ли бояться полиции?

Однако я тоже не хочу привлекать излишнее внимание, поэтому делаю Натаниелю знак следовать за мной. Мы огибаем дом. Бинго! На заднем дворе мой телефон высвечивает простую деревянную дверь, верхняя часть которой тоже заколочена. Однако, присмотревшись, я замечаю, что дверь открывается внутрь. Она не заперта.

По коже бегут мурашки. В доме кто-то есть…

Внутри непроглядный мрак, и я включаю на телефоне фонарик. От прогнившей древесины тянет грибным духом и чем-то еще… похоже на запах влажного мха. Мы стоим посередине бедно обставленной кухни-столовой. На замызганных стенах светлые пятна – здесь когда-то были шкафы, но их передвинули. А вот старомодную плиту и раковину никто не трогал: на них толстый слой пыли. Один-единственный стул рядом с деревянным столом. А стол… Тут дыхание у меня сбивается. Стол поцарапанный и потертый. Но он чисто вымыт.

– Ау? – шепчу я.

Ответа нет.

Натаниель уже стоит в проходе, ведущем в другую комнату. Ничего не вижу из-за занавески, Натаниель отдергивает ее в сторону, и хлопья пыли сыплются на пол, будто мертвые бабочки. Он указывает мне на что-то, и, переступив порог комнаты, я понимаю, в чем дело. В углу старой гостиной, рядом с камином, полным холодной золы, навалены ковры, диванные подушки, дырявый матрас – импровизированное ложе. Рядом я замечаю термос и пустую чашку. Беру термос и, не успев до конца открутить крышку, чувствую тепло и аромат черного чая.

– Ты была права, – признает Натаниель. – Здесь кто-то живет, и старухе это известно. Наверное, она о нем заботится.

От одной мысли, что в этом заброшенном доме кто-то обитает, мне делается дурно.

– Почему же она нам не сказала?

– Может, потому, что…

Тут на втором этаже раздается скрип, и Натаниель умолкает на полуслове. Он спешит к лестнице, я – за ним. Внимательно смотрю под ноги: не наступить бы на гнилую ступеньку. Мысли путаются, однако мне и так все предельно ясно. Печальная улыбка старухи-соседки, вот что она значила! Человек, прозябающий здесь, – мой отец.

– Бездомный… – бормочу я, обращаясь то ли к Натаниелю, то ли к самой себе.

– Похоже, что так.

– Нет, я говорю не про того, кто прячется здесь. А может, и про него тоже. Я имею в виду человека, который научил Лиама играть на гитаре «Nothing Else Matters». Песня «Металлики»

в Лиаскай! Мать Лиама говорила, мол, Лиам учился у бездомного, который двух слов связать не мог. Удивительное совпадение?..

Натаниель, который почти поднялся по лестнице, вдруг останавливается и оборачивается ко мне. Фонарик на телефоне высвечивает его лицо: в полумраке Натаниель снова кажется тем самым воином, с которым я познакомилась в Лиаскай.

– Думаешь?..

– Ты сам мне об этом рассказывал.

Надо быть тише, но в голове у меня гудит, и я сама едва слышу, что говорю.

– Ты сказал, что на границе Лиаскай человека может разорвать пополам и он будет существовать сразу в двух мирах.

Вдруг с папой случилось именно это?

– Значит, будь осторожна, – предупреждает Натаниель.

Но я, обойдя Натаниеля, метнулась к первой же двери. Она висела только на нижних петлях и чуть не пришибла меня, когда я рывком ее распахнула. Натаниель успел подхватить дверь и почти прорычал:

– Сказал же, осторожнее!

В комнате пусто, лишь горы пыли да усохшая дохлая мышь в углу. И в соседнем помещении никого. Толкая дверь в последнюю комнату, я ожидаю, что здесь будет то же самое. Но увиденное заставляет меня содрогнуться. Это спальня. В свете фонарика из мрака проступает огромная кровать. На посеревших простынях грязные пятна, а из одеял будто свили гнездо.

Натаниелю не по себе: он одет в зимнюю куртку, но я все равно вижу, как напряжены его мышцы. В глазах у него затаился страх. Толкнув меня себе за спину, Натаниель быстро заглядывает под кровать. И вдруг с другой стороны кто-то выпрыгивает и пускается наутек! Мне страшно, но я быстро успокаиваюсь – мы знали, что здесь кто-то прячется. Бездомный. Человек, которого мы ищем. Возможно, мой…

И тут я в ужасе закричала. Фонарик высветил, кто именно выбежал к нам. Это не человек. Не человек!

Это какое-то существо, невысокое, тощее, то ли наполовину покрытое шерстью, то ли голое, но кожа у него слишком темная, будто обугленная. Натаниель бросается к нему, на миг перекрывая мне обзор. Раздается шипение, и существо выскакивает из комнаты. Топот, похожий на бряцание костей, прокатывается по коридору, неожиданно стихает и снова доносится откуда-то сверху.

– Оно удрало на чердак, – догадывается Натаниель.

Сердце бешено бьется. Я много чего повидала. Но такое?..

– Проклятье! Что это?

– Сейчас выясним.

С этими словами Натаниель бежит в коридор и останавливается у отверстия в потолке. Наверное, раньше здесь были люк с лестницей, но теперь лишь темная дыра. Хочу толкнуть Натаниеля в сторону: я прямо вижу, как костлявые руки хватают его и утаскивают наверх… Но ничего такого не происходит. Я наблюдаю, как Натаниель тянется к отверстию, пытаясь уцепиться за край, и в голове у меня пусто.

«Натаниель прав, – уговариваю я сама себя. – Существо удрало от нас. Оно боится нас больше, чем мы его. И это не какое-то неизвестное науке существо. Уж точно не ирландский грогох».

Натаниель легко подтягивается: сначала во мраке исчезают голова и плечи, а затем и все остальное. Я зову его. Теперь он наверху, но почему все тихо? Из моей груди вырывается тонкий скулеж. Но тут сверху доносится голос Натаниеля:

– Дай телефон, нужно посветить.

– Подними меня, – отвечаю я, протягивая ему руку.

– Сначала посмотрю, где эта тварь.

– Подними меня, – нетерпеливо повторяю я.

Сама удивляюсь, как властно звучит мой голос!

Недовольно вздохнув, Натаниель хватает меня за руку и мощным рывком затаскивает наверх: на мгновение я даже пугаюсь, что он вывихнет мне плечо. «Да что ты творишь?» – собираюсь возмутиться я. Но тут свет телефона, который я держу в другой руке, скользит по чердаку, и я забываю обо всем: о том, что хотела сказать, и о боли в плече.

– Какого…

На одеялах, коврах, повсюду сверкают украшения. Кольца, ожерелья, браслеты, множество амулетов всевозможных форм и размеров… Иду осторожно, стараясь ни обо что не споткнуться. Корона! Серебряная корона, но она так потускнела, что кажется черной, лишь ярко блестят драгоценные камни в оправе. Переливается жемчуг, искрятся бриллианты. Среди бесценной старинной посуды, украшенной позолотой, валяются монеты. Передо мной будто раскинулось море из золота и сокровищ.

– Что бы то ни было, оно любит драгоценности.

«Здесь прячется какая-то тайна, – хочет сказать Натаниель. – Надо ее раскрыть, чтобы понять истинное значение этой диковинной коллекции».

Ощупью я медленно продвигаюсь по узкой полосе, ведущей в ту часть чердака, где шкафы и полки образуют своеобразную стену, которая делит комнату.

– Оно что-то ищет, – тихо поправляю я Натаниеля. – Все, что валяется на полу, – бесполезно. Ему нужно что-то другое.

Лоб зудит. Свечу по сторонам фонариком. Я тоже кое-что ищу. И не сомневаюсь: это совсем рядом. Может, прямо здесь…

– Майлин! – кричит Натаниель, пытаясь меня предупредить.

В ту же секунду меня с силой толкают, и я спотыкаюсь о разбросанные украшения и фарфоровую посуду. Существо я замечаю, когда оно проскальзывает мимо, низко пригнувшись и раскинув руки, будто крылья. И тут правый бок словно обжигает огнем! Выпускаю смартфон из рук, и луч фонарика освещает паутину под самой крышей. Хватаюсь за правое плечо. Существо порвало куртку: ткань под пальцами стремительно намокает. Кровь. Веду рукой вверх. Шею спас высокий воротник. Касаюсь раны – мокро… А в следующее мгновение меня пронзает болью.

Скорчившись, пытаюсь дотянуться до руки Натаниеля, хочу тесно прижаться к нему… Но там, где он только что стоял, теперь пусто.

– Проклятье! – задыхаюсь я.

Голова кружится. Совсем рядом слышны шум и звуки борьбы.

– Осторожно! – хочу закричать я, но голос тихий и слабый, будто существо высосало из меня все силы. – Осторожно, у него есть когти. Или нож.

Или… не знаю что.

Снова слышу возню, нечеловеческое шипение и сдавленный хрип. Натаниель же не издает ни звука. Пытаюсь рассмотреть, что там происходит, ощупью ищу смартфон, но рука холодная и тяжелая, пальцы словно онемели. Существо по-вороньи каркает, и я наконец слышу Натаниеля. Он почти рычит, но не похоже, что ему грозит серьезная опасность. Нашарив телефон, непослушными пальцами я снимаю блокировку и свечу в темноту. Перехватив запястья существа, Натаниель вжал его в стену: его локоть упирается в тощую шею. Так он сможет придушить существо, если оно продолжит бесноваться.

– Все в порядке?

Звучит так, словно Натаниель обращается к существу, с которого не спускает глаз.

– Думаю, да.

На ватных ногах подхожу ближе, поднимая ворот куртки, – иначе Натаниель заметит, что существо меня ранило, а мне этого не хочется. Оно и без того выглядит очень напуганным. У него темно-серая кожа, под которой угадываются кости и крепкие мышцы. На голове – жидкие светлые волосы. Одето существо в старую рубаху, серую и очень грязную. А глаза у существа пугающе человеческие. Словно раньше оно было человеком, а затем превратилось в эту тварь. К горлу подкатывает тошнота: неужели это папа? Подойдя вплотную, я разглядываю тощее тело существа. Нет, оно слишком маленькое и, кажется… женское.

Тварь кривит губы в ухмылке, и я понимаю, что смотрю ей прямо в лицо. Поспешно отвожу взгляд. Кто знает, на что она способна… Надо спросить Натаниеля, может, ему известно, с чем мы вообще столкнулись?

И тут тварь тихо захихикала.

– Ко-ро-ле-ва, – по слогам тянет она. – Королева Ночи пришла за мной.

Я вздрагиваю. Даже Натаниеля пробирает дрожь.

Чувствую себя совсем беспомощной, когда молчу, поэтому все-таки отвечаю:

– Да, так и есть. Я – Королева.

Виски ломит от мощи и магии тиары Стелларис.

– Ты коронована звездами, – шепчет тварь.

Чувствую, как земля уходит из-под ног…

– Заткнись! – перебивает Натаниель, тряхнув тварь за плечи.

– Ты коронована звездами, Лиаскай и Утром, – не обращая внимания на Натаниеля, продолжает тварь.

И что ответить?

– Мы оказались правы, – говорю я, не придумав ничего лучше. – Ты из Лиаскай.

С губ твари срывается то ли смешок, то ли вскрик, и мне вдруг становится его жалко. Какая разница, кто это? Тварь совсем одна в чужом мире, который так не похож на ее родной. Она не может вернуться домой.

– Отпусти ее.

Натаниель молча смотрит на меня.

– Отпусти ее! – требую я.

– Ее?

Вздохнув, Натаниель повинуется. Но он начеку и готов в любой миг снова схватить тварь.

Потерев лапами плечи, тварь вытирает нос. Рана у меня на шее горит. Тварь боится. Или бояться надо мне?

– Как ты сюда попала? – допытываюсь я.

Опять этот смешок, от которого сердце сжимается. Что же это за чувство? Высокомерие или изумление, насмешка или сострадание? Не знаю… Кажется, все сразу и ничего одновременно.

– Меня собирались освободить, – хихикает тварь. – Но герой оказался неудачником.

– Ты перенеслась сюда? – Натаниель говорит так, будто речь о преступлении. – Ты междумирец?

– Я не служу кланам.

– Значит, кто-то пытался взять тебя с собой, – предполагаю я.

Тварь кивает:

– Да. И он горько об этом пожалел.

Следующий вопрос дается мне тяжело, но я все же выдавливаю из себя:

– Кто он?

Вдруг тварь как зашипит! Я испуганно отступаю, а Натаниель хватает тварь за горло и снова впечатывает в стену. Она бьет Натаниеля когтями раз, другой – и беспомощно хрипит, когда он хладнокровно сжимает ее горло и душит.

– Ты как? – сиплю я.

С трудом верю, что Натаниель не ранен, но он просто кивает.

– Так кто это был? – повторяет Натаниель мой вопрос, сжимая горло твари.

– Мой слуга. Неудачник, – голос твари напоминает скрежет.

– Он здесь? – спрашиваю я. – Он живет в этом доме?

– То, что от него осталось. Он бесполезен! – презрительно выплевывает тварь в мою сторону.

– Слуга – междумирец, – утвердительно говорю я.

– Уже нет.

Обвожу взглядом сокровища, которые тварь собрала на чердаке.

– У слуги был Церцерис. И теперь он у тебя.

– Барахло! От него никакого толку.

«Нет, – думаю я. – Это *тебе* от него никакого толку. Потому что ты не междумирец».

– Отдай его нам.

В глазах Натаниеля что-то мелькает. Это надежда! Как здорово видеть ее у Натаниеля.

Тварь хихикает, словно эта просьба лишена смысла.

– А зачем мне вам помогать? От вас-то помощи не будет.

– Но мы можем помочь, – тихо шепчу я.

Не уверена, что тварь услышала мои слова, но она вдруг умолкает и наклоняет голову.

– Или ты хочешь остаться здесь? – спрашиваю я. – В этом доме, среди… барахла?

– Может быть, – отвечает она.

Натаниель еще сильнее сжимает ее горло, но я кладу руку ему на плечо, заставляя ослабить хватку.

Тварь будто не видит Натаниеля. Она смотрит только на меня. Ее заинтересовало мое предложение или она просто хочет обглодать мои кости? Непонятно.

– Я причиню тебе вред, Ваше Величество, – скрипит она, будто прочитав мои мысли.

– Что это значит?

– Я не нужна тебе в королевстве. Будь я там, ты открыла бы на меня охоту.

– Ты забыла, что я здесь, а не там.

Она язвительно смеется:

– А где доказательства, что ты мне поможешь? Королева, будь с тобой междумирец, ты уже перенеслась бы. Или… – В ее глазах вспыхивает понимание. Понимание или безумие. – Междумирец без магии?

Впервые за это время тварь переводит взгляд на Натаниеля. По его лицу невозможно понять, угадала она или нет. Но она права. Натаниель и *есть* междумирец без магии. Чтобы перенестись из Завременья, ему нужно ночное небо Лиаскай вместе с Кассиопеей, созвездием его клана, или Церцерис, в который вправлены сапфиры Кассиопеи.

– У тебя есть Церцерис, – тихо утверждаю я. – Или это неправда?

– А зачем мне его отдавать?

– Я предлагаю тебе вернуться домой. Этого недостаточно?

В наступившей тишине я отчетливо слышу тяжелое дыхание твари.

– Ваше Величество, – мягко говорит она, – ты никогда не вернешь меня домой. Я представляю для тебя огромную угрозу. Я – твоя смерть, Ваше Величество.

В голове проносятся тысячи мыслей. Неужели я права… Значит, отец попытался перенести из Лиаскай эту тварь. Во время прыжка его расщепило – как и саму тварь. Может, у него была причина перенести ее сюда. Очень серьезная причина, раз отец рискнул всем, даже своей жизнью.

– Что ты? – спрашивает Натаниель. С каждым словом твари его лицо становится все суровее и суровее.

– Кто ты? – поправляю его я.

Тварь снова захихикала.

– Уже никто, Ваше Величество. Хлам. Такой же бесполезный, как человек клана без магии.

Я касаюсь плеча Натаниеля, не дожидаясь, когда он накажет тварь за эти слова.

– Отпусти ее, – прошу я еще раз.

Тварь ощупывает шею:

– Я – твой враг, Королева.

Поборов страх, я подхожу к ней так близко, что чувствую запах пыли. Тварь пахнет не как хищник, и несмотря на ее внешность, от нее не тянет гнилью. Она пахнет, как полузабытые воспоминания, как страницы древних книг…

– Я сама выбираю врагов, – отвечаю я.

– А меня выбирать не нужно. Я приду в твой дворец, Королева, заберу все, что у тебя есть. И это только мой выбор.

Я делаю еще один шаг.

– Тогда буду тебя ждать.

Тут тварь опускает голову, устремляя взгляд в пол, и улыбается. Как она одинока… Абсурд, но мне хочется коснуться руки твари. Я прекрасно понимаю ее тоску по дому. Да, угрозы твари – не пустой звук. Но чувство, связывающее меня с нею, слишком сильно, и неважно, насколько она отвратительна.

– Отдай мне Церцерис, – прошу я. – Обещаю, что найду междумирца, который сможет им воспользоваться.

– Пообещать я тоже могу.

Что это было? Неужели шутка?

– Обещаю, этот междумирец вернет тебя домой. В Лиаскай. Живую и невредимую.

Натаниель прерывисто вздыхает:

– Майлин! Ты даже не знаешь…

– Он прав, – шипит тварь. – Ты даже не знаешь, на что я способна.

– Это твое дело.

– Ты не вернешься сюда.

– Я даю тебе слово.

– Я тебя не знаю. Что значит твое слово?

– Мерзкое отродье! – в гневе кричит Натаниель. – Если ты действительно родом из Лиаскай, то перед тобой – твоя Королева! Ты не веришь слову Королевы?

Тварь не отвечает. Она просто игнорирует Натаниеля, и я не знаю, причиной тому храбрость или ужасная глупость. Взгляд твари направлен только на меня.

– Я вообще не доверяю словам, даже своим собственным. Я отдам тебе Церцерис в обмен на одну услугу.

Глубоко вздыхаю. Адреналин смывает волной облегчения, а раны на шее и руке будто горят огнем. Колени дрожат, и больше всего мне хочется присесть. Но нельзя. Надо продержаться еще немного.

– Чего ты хочешь?

Лихорадочно соображаю, что можно ей предложить. Деньги твари не нужны. Украшения? Все, что у меня есть, – это посеребренные подвески на кожаных шнурках…

– Я хочу знать, что чувствует Королева.

Тварь больше не улыбается. Страдание, которое я почувствовала, теперь написано на ее лице.

Я не могу скрыть, что эти слова меня потрясли. Что чувствует Королева… Откуда мне знать? Я ведь сбежала. И чувствовала себя тогда испуганной, сомневающейся, загнанной в угол. Не рассказывать же твари об этом. Чем же мне заплатить?

– Не знаю, – тихо отвечаю я. Шанс обмануть тварь упущен. – Я чувствую лишь страх и горе. Моя сестра, она была Королевой до меня…

– Твоя сестра была Королевой, – задумчиво повторяет тварь. – Хорошей Королевой?

– Очень хорошей. Народ Лиаскай ее любил.

Я поспешно загоняю все сомнения глубоко на задворки сознания, не позволяя им вырваться наружу. Меня мучают вопросы: как Вики допустила, чтобы людей пытали и казнили? Мыслями обращаюсь к Лиаму – ведь по вине Вики он лишился магии. А Натаниеля она заковала в колдовские цепи…

– Лиаскай скорбит о ней до сих пор, – говорю я вслух.

– Ты хорошо ее помнишь? Как она сидела на троне, как правила народом?

Киваю, отмахнувшись от мучительных воспоминаний. Вики на лошади, Вики с птицами в огромной клетке. Вики в синем платье посреди бального зала, сияющая, будто темное солнце, вокруг которого вращается все остальное. Сердце щемит. Смогу ли я когда-нибудь думать о Вики без этой глухой холодной тоски?..

– Отдай мне ее! – требует тварь.

– Хватит! – не выдерживает Натаниель. Теперь его присутствие заметно, будто он вышел из тени на свет, и тварь больше не сможет его игнорировать. – Предложение нас не интересует…

– Чего именно ты хочешь? – перебиваю я Натаниеля.

Жаль, мне не хотелось обходиться с ним грубо. Но я чувствую его силу. Тварь его боится, хоть и старается это скрыть. Натаниель против сделки, а вот я… я не уверена.

Тварь скребет когтистой ногой по половицам, словно ей стыдно говорить о том, чего она так жаждет.

– Лишь воспоминания. Отдай мне воспоминания о мертвой Королеве и получишь кусочек ночного неба Лиаскай. Крошечный кусок королевства. Ты так далеко от дома…

Я дрожу. Бессмысленно отрицать, Церцерис значит для меня очень много. Это не просто дорога домой и связь с отцом.

– Майлин, – Натаниель очень серьезен. – Это воспоминания о твоей сестре.

– От них одни муки, – бездумно срывается с моих губ.

– Но они бесценны!

Я качаю головой, рассматривая коллекцию твари:

– Это барахло. Дешевые безделушки, за которые отчаянно цепляешься. Нельзя стоять на месте, надо идти вперед. Я должна отпустить эти воспоминания.

– Майлин, прошу, не делай этого. Это безумие, это…

– Как ты говоришь со своей Королевой? – издевается тварь.

Затем она снова переводит взгляд на меня:

– Я хочу только воспоминания. Чувства оставь себе, мне они без надобности. Хочу представить, будто знаю ее. Знаю Королеву.

– Забирай их, – соглашаюсь я, игнорируя возмущенный вскрик Натаниеля. – Забирай воспоминания о Виктории, Королеве Лиаскай. Другие воспоминания о ней и о тех временах, когда она не была Королевой, я оставляю себе.

– А зачем они мне? – просто интересуется тварь.

И быстрее, чем мы с Натаниелем успели бы сжать руку в кулак, тварь проскакивает между нами. Мы оглядываемся, и на мгновение кажется, будто тварь исчезла. Ее невероятная скорость ошеломляет. Все это время она могла сбежать. Кажется, это ловушка…

Что-то летит прямо мне в лицо! Натаниель дергает меня за руку, и рану на плече обжигает такой болью, что я вскрикиваю. На секунду темнеет в глазах. Тяжело рухнув на колени, я роняю телефон. Он падает дисплеем вниз. В свете фонарика сверкают перламутровые осколки. Тварь запустила в меня то ли вазой, то ли кувшином. Но среди осколков лежит он… Церцерис. Слезы застилают взгляд, и стоит мне схватить матово поблескивающий амулет, они неудержимым потоком текут по лицу. Я рыдаю. Не сопротивляюсь, когда Натаниель осторожно меня обнимает.

– Тварь ушла, – шепчет он. – Все в порядке. Ее нет.

Я быстро киваю, стискивая зубы. Все тело напряжено, меня колотит дрожь.

– У нас есть Церцерис.

Догадывается ли Натаниель, что значит для меня этот Церцерис? Наконец, спустя столько месяцев я получила маленький кусочек лиаскайской ночи, без которой, возможно, не смогу больше жить… Но я не чувствую радости. Мне вдруг становится холодно. Стуча зубами, я пытаюсь подняться, но чуть не падаю. Натаниель успевает меня подхватить. Вдруг он замирает. Осторожно ощупав мой бок, он поправляет куртку и смотрит на свои пальцы.

Кровь. Я почти забыла…

– Майлин. – Кажется, будто тварь забрала голос Натаниеля с собой, оставив только шепот.

Бережно развернув меня к себе лицом, Натаниель расстегивает мою куртку, отворачивает воротник и вскрикивает:

– Майлин! Ты спятила?

– Это не я! – выпаливаю я первое, что приходит в голову.

Натаниель держит руку на моем пульсе, ругаясь сквозь зубы. Кого же он костерит – меня или ту тварь? Кажется, он что-то говорит про больницу…

– Больница? – слабо переспрашиваю я. – И как мы объясним это врачам?

Натаниель бормочет что-то подозрительно напоминающее: «да плевать». Осторожно подведя меня к люку, он спрыгивает туда и машет рукой, призывая следовать за ним. Я не хочу показаться слабой – Натаниель слишком часто видел меня такой. Но голова у меня будто ватой набита, в глазах пляшут черные точки… Я неуклюже прыгаю, Натаниель ловит меня на руки, и в этот миг мне не до гордости. Боль пронзает с ног до головы, словно в раны тыкают световыми мечами…

– Проклятье! – сквозь зубы шиплю я. – Отпусти меня.

– Что, прости?

– Отпусти меня, живо, пока я не вырубилась.

Натаниель и не думает меня отпускать, но я дергаюсь так сильно, что у него не остается выбора.

– Отпусти! – упорствую я. – Вот помру, тогда таскай меня сколько душе угодно!

– А до этого недалеко, – хрипит Натаниель. Он все-таки меня опускает, но поддерживает, когда мы спускаемся с лестницы. Без Натаниеля я покатилась бы кубарем вниз и так осталась бы лежать…

Выругавшись, Натаниель наклоняется, и только тогда я замечаю, что снова выронила телефон. Но сейчас мне все равно. Важна лишь круглая плоская реликвия, которую я сжимаю так крепко, будто в ней заключена вся моя жизнь. После падения фонарик в телефоне сломался, и мы покидаем дом через черный вход в полной темноте.

На улице немного светлее, луна просвечивает сквозь пелену свинцовых туч. Мне вдруг кажется, будто кто-то прячется в саду за деревьями. Тварь? Или старуха? Нет, тень больше, шире. Я приподнимаю голову, чтобы рассмотреть ее получше, однако она почему-то поспешно пятится. Моргаю – и тени как не бывало…

Я крепко сжимаю Церцерис. И нет ничего важнее этого кусочка небес.

Глава 7

– Ненавижу больницы! – заявляю я Натаниелю, едва тот переступает порог палаты. – Незачем было тащить меня сюда. И прощать я тебя не собираюсь, даже не проси.

– А знаешь, что я ненавижу?

Пододвинув стул к койке, Натаниель критически разглядывает толстенную повязку у меня на шее. Кажется, будто мне снова восемь лет и я болею свинкой.

– Ненавижу вид крови, – говорит Натаниель.

– Ой! Как назло! – с лающим смешком отвечаю я.

– Да, особенно вид твоей крови. Ты в порядке?

Я киваю. Не считая жуткой усталости, чувствую себя неплохо. Всю ночь не могла заснуть. Сначала болела рана. Потом я задумалась и забыла про боль. Натаниель привез меня в отделение неотложной медицинской помощи. Судя по лицам медсестер, они не купились на нашу историю про то, как я провалилась в люк старого дома под снос и поранилась об острые края сломанных досок. Я уже решила, что Натаниеля упекут за решетку.

– Они не потащили тебя сразу в суд, – устало шучу я.

– Залог прислали из казны королевского двора, – отвечает он.

Я долго и серьезно смотрю на Натаниеля.

– Да перестань, – усмехается он. – По мне же видно, что я и мухи не обижу.

По нему видно, что ночь прошла для него бесследно. Натаниель явно выспался, отдохнул. В своей клетчатой рубашке он похож на простого студента ирландского университета, чья подружка попала в больницу из-за несчастного случая.

– Мать знает, что ты здесь? – спрашивает Натаниель.

Я горько улыбаюсь:

– Нет, мой дорогой голос разума, я ей не сказала. Не хочу, чтобы она переживала.

– Она снова меня возненавидит.

– Да, в яблочко. Она уверена, что на выходные я уехала к тебе. И считает это ужасной затеей.

Тут мы умолкаем. Обсуждать это нам обоим нелегко. Однако нельзя откладывать разговор в долгий ящик: скоро вернутся мои соседки. Между часами посещений и обедом времени мало.

Натаниель нарушает молчание:

– Что будешь делать, Майлин?

Я приподнимаюсь и, не обращая внимания на тянущую боль в ране, засовываю руку под подушку. Тяжесть Церцериса в руке заставляет меня дышать глубже, а прикосновение к гладкому золоту придает смелости. Медленно разжимаю пальцы, позволяя Натаниелю увидеть медальон, один взгляд на который заставляет мое сердце биться подобно триумфальному барабану.

– Руну узнаешь? – шепотом интересуюсь я.

Похоже на Н, только с двумя перекладинами вместо одной. Знак клана. Старый, почти стертый, различить его можно только по грязи, забившейся в гравированные линии. Тот самый знак, который я рисовала в детстве.

– Вот доказательство, которое нам нужно!

– Да, тут выгравирован знак, – серьезно соглашается Натаниель. – Но я не знаю, какому клану он принадлежит. Я не смогу воспользоваться этим Церцерисом.

– Знак этого клана я видела в детстве. Церцерисом владел папа. Медальон отмечен руной моей семьи. Церцерисом воспользуюсь *я*!

Сначала Натаниель медленно кивает, затем качает головой. Его разрывают сомнения, мне не по себе видеть его таким. Все ведь очевидно!

– Я же переносилась с твоим Церцерисом, – упорствую я.

Мой голос звучит так настойчиво, будто мне очень нужно уговорить Натаниеля. Однако я могу использовать Церцерис без его согласия и вернуться в Лиаскай совсем одна. Но мне хочется, чтобы рядом кто-то был, хоть одна человеческая душа. В очередной раз я причиню боль тем, кого люблю – тем, кто любит меня. Одна я этого не вынесу.

– Судя по всему, я наследница клана междумирцев. И так было всегда! Я помню Церцерис папы с самого детства. Папа показывал мне медальон.

– Он не подозревал, чем это обернется.

– Уверена, папа знал, что я давно не принадлежу этому миру.

Вдруг Вики тоже видела папин Церцерис? Как хотелось бы обсудить это с ней…

– Надеюсь, оно того стоило, – будто прочитав мои мысли, говорит Натаниель.

– Стоило.

Понятия не имею, как себя вести. И совсем не знаю, чем *на самом деле* заплатила за Церцерис той твари из Лиаскай.

– Вечером меня выпишут, – бодро сообщаю я. – По словам доктора, который меня зашил, даже шрама не останется.

Вздох Натаниеля больше напоминает всхлип:

– Ты ведь понимаешь, что я имел в виду другое.

– Все… странно, – отвечаю я. – Знаю, в Лиаскай мы с Вики много времени проводили вместе. Но воспоминания об этом исчезли. Похоже на сон, который в миг пробуждения ускользает в небытие. Тебе знакомо это чувство? Вот только сон был. Такой отчетливый, словно это не видение, а реальность. Такой яркий, что кажется, словно ты никогда его не забудешь. Но стоит моргнуть или пальцем пошевелить, как все исчезает без следа. Остается лишь смутное ощущение: было что-то особенное.

Поджав губы, Натаниель размышляет над моими словами.

– Ты помнишь дворец? Трон, корону и…

– Я все помню! – перебиваю я. – Только Вики как в тумане.

Натаниель берет меня за руку, точно пытаясь утешить. Но утешение мне не нужно.

– Натаниель, я не верю, что заплатила большую цену. Я отдала то, что делало меня слабой.

– Майлин, – сипит Натаниель.

Он не доверяет твари и к моему плану относится со скепсисом.

– Что?

Натаниель не может ничего мне ответить: страх и беспомощность нам не помогут.

– Ответь, это важно, – прошу я. – Ты останешься со мной или уедешь в Нью-Йорк?

С губ Натаниеля срывается сухой смешок:

– Будто я могу теперь уехать в Нью-Йорк.

– Можешь. Решать тебе. Все эти месяцы ты строил свою жизнь, пока я ныла и зализывала раны.

– Ты горевала.

– Натаниель, я пойму, если ты мне больше не доверяешь – я никогда не заслуживала твоего доверия.

Натаниель тяжело поднимается со стула, будто это нехитрое действие требует от него множества усилий. Он проходится по палате.

– Я отпустил тебя, Майлин. Да, отпустил. Более того, я уверен, что чувства к тебе связаны со мной и моим прошлым, а не с тобой. Или… – на мгновение умолкнув, Натаниель качает головой. – Я точно не знал, но в глубине души давно почувствовал, что ты – как я. Мы оба междумирцы. Следовало бы догадаться об этом еще во время нашего первого прыжка, когда

ты вырвалась из моих рук. Ты словно могла перенестись самостоятельно. Мой инстинкт не подвел. Наверное, ты так мне понравилась, потому что мы похожи. Наследник клана очень одинок. А рядом с тобой я не одинок, вот меня и потянуло к тебе.

«Ну, так даже проще», – думаю я. Вслух ничего не говорю, Натаниель пока не готов.

– Сейчас я вижу тебя, Майлин, вижу девушку, которая любит другого. И говорю: я отпустил тебя. А что делаешь ты?

– Что ты имеешь в виду?

– Прошлую ночь. Кем ты была вчера? Когда вела переговоры с ранившей тебя неполноценной тварью из Лиаскай?

Не понимаю, к чему он клонит.

– Я была собой.

– Да. Ты была собой. Но ты была Королевой. Ты всегда Королева, просто за последние месяцы я об этом подзабыл. Девушку из Ирландии, которая смешивает меня с грязью и терпит мое присутствие, лишь когда отчаяние в ней побеждает гордость, – ее я смог отпустить. Но Королеву я никогда не отпущу.

Натаниель преклоняет передо мной колено. С трудом сдерживаю смех – до чего это патетично и напыщенно. Но шутка застревает в горле: правила Завременья на меня не распространяются. И наверное, не распространялись никогда.

– Натаниель, не делай этого. Нашел повод!

Сама не знаю почему, но на глаза наворачиваются слезы.

– Я дал присягу, – отвечает он, не глядя на меня. – Поклялся посвятить жизнь служению Королеве и Лиаскай. О Завременье ничего не говорилось, потому что раньше Королева никогда не бывала здесь, по ту сторону Лиаскай. Теперь времена изменились.

– Я не хочу, чтобы рядом был королевский воин.

– Ты хочешь товарища, я знаю. Поверь, я могу быть и тем и другим.

– Вставай! – Наклонившись, я дергаю Натаниеля за руку, и он неохотно поднимается. – Вот заглянут сюда врачи, что они подумают? Я не прошу вернуться со мной в Лиаскай, поэтому слушай внимательно, Натаниель Бэджет. Я умоляю тебя пойти со мной. Со мной, той самой девушкой из Ирландии: она любит лжеца и смешивает тебя с грязью, она слова тебе не может сказать, тем более приказать. Я заклинаю друга, которого жестоко обидела, которому не доверяла так сильно, как он того заслуживал. Ты пойдешь со мной?

Натаниель глубоко вздыхает:

– Да.

И в этом «да» отзываются сотни мыслей, которые он не произнес вслух.

– Но мне нужно время, чтобы собраться, – просит Натаниель.

Время. Вдох-выдох. Те обрывистые сновидения обрушиваются на меня посреди дня, как колючий снег на бесчувственное тело… Меня топят, с моей жизнью играют – это чувство сильнее якоря реальности, и кажется, что у меня нет времени. Что у Лиама нет времени. Что слишком поздно.

– Сколько времени тебе нужно?

– Две недели.

Два слова – два коротких мощных удара.

– Две… недели? Скажи ты про два дня, я поныла бы и смирилась. Но две недели? Проклятье! Столько времени у нас нет.

– Это время есть у нас обоих, – с нажимом говорит Натаниель. – И мы должны посвятить его тем, кто был с нами здесь. Нашим друзьям, людям, которые нас любят.

Все доводы, которые у меня были, вмиг потеряли свою силу. И Натаниель это знает. На этот раз я не отделаюсь письмом для мамы, полной неопределенностью и слабой надеждой на

новую встречу. Я – чудовище, потому что без колебаний снова брошу маму. Но даже чудовище пытается себя оправдать.

– Есть еще кое-что… – шепчу я.

Одно обстоятельство, говорить о нем мне не хочется, но откладывать уже нельзя. Лучше признаться Натаниелю сейчас.

– Не знаю, вдруг та тварь меня обманула?

– Так и есть, обманула, – мрачно подтверждает Натаниель. – Церцерис принадлежал твоему отцу. На медальоне выгравирована руна твоего отца, и я ставлю свой винкулас на то, что сволочь из Лиаскай прекрасно об этом знала. Она не имела права требовать что-то взамен.

– Да я про другое.

– А про что?

Я касаюсь маленького круглого рычажка, открывающего Церцерис. Крышка откидывается, будто только этого и ждала. Я надеюсь, что темнота сыграла со мной злую шутку, что ночное небо чудесным образом окажется неповрежденным… Но, разумеется, мои надежды не оправдываются. Один взгляд, и сердце замирает в груди. В ночной синеве зияет черная трещина.

Подойдя ко мне, Натаниель цедит сквозь зубы:

– Проклятье!

Но в следующий миг на его губах мелькает улыбка.

– Что скажешь? – опасливо интересуюсь я.

– Хорошая новость – звезды целы.

Смотрю на них: пять сине-зеленых сапфиров, образующих букву W. Созвездие Кассиопеи. Трещина пролегла посередине, отделив две звезды слева от трех других. Но все они целы!

– Ничего страшного, что кусочек ночных небес поврежден? – с надеждой спрашиваю я.

– Будет нелегко. Чтобы магия не вышла из-под контроля, нужны созвездие клана и лиаскайская ночь. Я не смог бы перенестись с таким Церцерисом.

Натаниель переводит взгляд на меня, будто увидев что-то завораживающее.

– Но? Не тяни, говори уже!

– Ты сможешь. Ну, я надеюсь, – вздыхает он.

Все мои мысли крутятся вокруг первой фразы. Значит, мне не нужна ночь… Но почему? И тут я догадалась.

– Тварь назвала меня Королевой Ночи.

Почему-то такая формулировка не показалась мне странной.

– Что это значит? – допытываюсь я.

– Лиаскай любит день, – объясняет Натаниель. – Ее корона – золотой рассвет. Но королев Лиаскай коронует звездами ночи. Она дарит Ночь королевам.

Пытаюсь вспомнить, что я почувствовала, когда Вики надела на меня тиару Стелларис. Черный бархат ночи окутал душу…

Щелкнув крышкой медальона, Натаниель бережно передает его мне.

– Не сомневаюсь, ты сможешь воспользоваться Церцерисом.

Глава 8

Вода как песок: забивается в рот, нос…

Вся податливость и текучесть воды исчезает, она будто срывает с себя маску безобидности. Вода царапает горло, словно мелкие острые камешки. Вода затекает повсюду, не оставляя свободного места, вытесняет воздух. На языке чувствуется кислород, в ушах слышится его манящий шепот: «Вдохни поглубже, и все твои мучения прекратятся!» Но солоноватый минеральный привкус предупреждает: «Поддашься порыву – захлебнешься».

Знаю, это просто видение, ведь сейчас я не сплю. Моргнув, отгоняю образ мутной темной воды и вижу паб: обшитые деревом стены, стаканы на столе и Рави. Он смотрит на меня сквозь стекла очков, озабоченно сдвинув брови.

Я сосредотачиваюсь и почти насильно заставляю себя осознать, что вода – это видение. Словно сквозь вату слышу музыку, гул людских голосов и Рави, который просит меня дышать. И у меня получается! Я дышу в такт дыханию Рави. Он каждый раз пробует эту технику. Но голова кружится, меня охватывает паника – и внимание ускользает от Рави. Теперь я слышу лишь рокот и насмешливое бульканье, за которыми коварно притаилась тишина. У реки Лирии свой собственный голос.

За миг до потери сознания я вдруг понимаю, что вода исчезла. Меня будто вышвырнуло из сна, а сам он разбился на тысячи осколков. Но я знаю: этот сон вернется, совсем скоро, и в целом мире нет места, где я могла бы от него скрыться. Он найдет меня везде, если захочет.

У меня болит в груди, потому что я судорожно пытаюсь дышать. Болит голова, потому что я опасаюсь за свой рассудок. Болит сердце, потому что меня преследуют не *мои* кошмары. Может, это лишь отголосок того, что пережил Лиам.

– Опять? – беспокоится Рави.

Потерев лицо ладонями, я киваю:

– Все в порядке.

Рави выглядит так, будто я на мгновение растворилась в воздухе, а затем, к его изумлению, снова материализовалась. Рядом с ним я замечаю молоденькую официантку. Она дрожащими руками ставит передо мной стакан воды.

– Часто такое случается? У тебя астма?

– Приступ мигрени, – вру я.

Этот ответ близок к правде. Больше всего мне хотелось бы объяснить маме и Рави, что я связала себя с одним человеком из другого мира магической цепью, хотя он предупреждал, нет, умолял не делать этого. И теперь моя судьба – проживать его страхи. Но станет ли от признания легче? Меня ведь сочтут сумасшедшей…

Я прочитала о флешбэках столько, на сколько хватило сил, и даже чуточку больше. Упорно убеждаю сама себя, что мне просто снятся кошмары, но все гораздо хуже. Каждый раз сон переносит Лиама в травматические обстоятельства. Он снова переживает пытку, побег из Закрытого крыла, и все это как наяву. Психика Лиама играет с ним злую шутку, заставляя физически чувствовать боль. Смертельный ужас. Непоколебимую уверенность в том, что его бросили на произвол судьбы. Отдали в руки людей, от которых ему не придется ждать пощады, ведь он не из их числа. И последнее чувство – самое отвратительное. Лиам, я с тобой: и в страхе, и в печали, и в одиночестве. Но это унижение, превращение человека в ничто… Такого я никогда не испытывала.

Неужели для кого-то жизнь ничего не значит?

Бросив через плечо сочувственный взгляд, официантка уходит обслуживать других посетителей. Рави, нахмурившись, смотрит на меня.

– Эти приступы участились. Может, стоит обратиться к специалисту? – осторожно предлагает он и криво улыбается, словно сказал какую-то глупость, над которой я с удовольствием посмеюсь. – В смысле, ты твердишь, мол, они безвредные. Но похоже, все не так. Вот сейчас я подумал, что ты задыхаешься.

– Поехали на пляж, а, Рави? – спрашиваю я, закрыв лицо ладонями.

Он заставляет меня убрать руки от лица.

– Там тебе полегчает?

Рави очень серьезен… Такое редко бывает. Он весельчак, клоун, сыплет остротами по делу и без дела. Люблю Рави за это, нам вместе легко и весело. Рядом с ним я забываю обо всех печалях. Забываю о том, что за его жизнерадостностью скрываются серьезность, тоска и тревоги. И в последнее время он очень за меня переживает.

– Хочу поехать к морю, – объясняю я, доставая кошелек из куртки, висящей на спинке стула. – Там хорошо дышится. Мне нужно набрать в легкие побольше воздуха и рассказать тебе кое-что.

Темные глаза Рави делаются совсем черными.

– Ты… что? О чем рассказать? Ты ведь не…

– Нет! – пытаюсь рассмеяться я, но из горла вырывается лишь всхлип. – Я не умираю. Ну, пока не собираюсь. Если только тебе не вернули водительские права и ты не спустишь машину со мной с ближайшего обрыва. Ты гонишь так, что не успеваешь управлять машиной.

Шутка получилась слабой, и Рави на нее не ведется:

– Ладно. Я д-д-думаю… ты понимаешь, я…

Рави давно перестал заикаться. А теперь из-за меня начал снова, и это очень нечестно! Я причиню ему боль – снова. Ему, Люсинде, маме. Только эти люди всегда были на моей стороне.

– Из-за Вики, – тихо говорю я. – Знаю. Никто так и не выяснил, что с ней случилось.

– Да. И ты тоже впала в бодрствующую кому. А потом неожиданно исчезла. Я все еще считаю, что ты тайком ездила к специалистам, но не признаешься в этом, потому что тебе нельзя говорить, к какому выводу они пришли. С тех пор у тебя начались приступы.

Задумчиво киваю. Сначала я собиралась выдумать историю, в которую он поверил бы, но теперь моя решимость пошатнулась.

– Поехали к морю, Рави.

– Кому позвонить? – Он достает из кармана телефон и тыкает в дисплей.

– Никому. Поедем вдвоем.

– Мне нельзя, ты забыла?

– Ясное дело, что за рулем буду я.

– Майлин, жаль возвращать тебя в суровую реальность, но ты не получила права и не можешь быть вторым пилотом.

Я усмехаюсь:

– С каких это пор ты так серьезно относишься к правилам дорожного движения? Не трусь, я хорошо вожу.

– А вдруг тебя поймают?

– Ну, скажу, что наврала тебе, будто давно получила права. – Я подмигиваю ему. – И что прежде ты никогда не давал мне машину.

– Если нас сцапают полицейские, тебе придется забыть о водительском удостоверении.

Я встаю со стула:

– Просто поехали! У моря я расскажу, почему мне больше не нужно водительское удостоверение.

Глава 9

– Ты серьезно думаешь, что я это надену?

Улыбка Натаниеля кажется почти беспечной, хотя он уже превратился из безобидного дублинского студента в неприметного жителя Лиаскай. Он одет в потрепанную льняную рубашку, кожаные штаны и сапоги на меху. Натаниель держит шубу, которую приготовил для меня.

– Две недели назад ты донимала меня своим нетерпением. А теперь хочешь поругаться из-за одежды?

– Не хочу мех! – упорствую я, чувствуя, как к щекам приливает кровь, ведь в Лиаскай все его носят. – Откуда ты это вообще взял? Ограбил русскую олигаршу? Или давно одолжил у бабушки?

– Чего нос воротишь, неблагодарная? – Натаниель с напускной строгостью рассматривает мою парку, будто я совсем безнадежная дура. – Мы ведь не хотим привлекать к себе лишнего внимания, да, *мисс Wolfskin*[2]. Зимы в Лиаскай суровые. Эти лисы, – он трясет шубой, – мертвы уже лет двадцать. И они не оживут, если мы оставим их на съедение моли.

Поборов отвращение, беру шубу. Она тяжелее моей практичной куртки, но в Лиаскай точно не привлечет внимания.

– Поклянись мне кое в чем.

– Что лисы жили в естественной среде обитания?

– Ну и скотина же ты! Поклянись, что бедная русская бабушка не мерзнет!

– Вряд ли, – усмехается Натаниель, окидывая меня критическим взглядом.

Он уже предупреждал, что зимы в Лиаскай суровые, поэтому на мне термобелье, два толстых шерстяных свитера и утепленные джинсы. Под кожаные сапоги я надела плотные шерстяные носки и еще несколько сменных пар засунула в старый рюкзак.

Как странно… Я стою посередине комнаты, осознавая, что совсем не знаю Натаниеля из Завременья. Подозреваю, он арендовал ее прямо с мебелью и не стал придавать двум комнатам какой-нибудь уют.

– Ты знал, что не задержишься здесь надолго?

– Я надеялся, – отвечает он.

Что это значит? И все, и ничего. Но переспрашивать смысла нет. Просьба вернуться со мной в Лиаскай перечеркнула планы Натаниеля на жизнь? Он все равно в этом не признается. Нет, он скажет то, от чего мне станет легче. А ведет он себя так потому, что Вики водрузила мне на голову корону. Снова чувствую покалывание и, откинув волосы назад, потираю лоб. Натаниель пристально меня разглядывает. Подойдя, он касается моей щеки:

– Что это?

Я встряхиваю волосами, чтобы спрятать под ними синяк. Хочу ответить быстро, хочу покончить с ложью. Увы, я замешкалась.

– Ничего.

– Ничего, значит. – По голосу слышно, как Натаниель разочарован. Думает, что я ему не доверяю.

– Не принимай на свой счет, я просто не хочу об этом говорить.

Или не могу.

– Прошу, давай поторопимся?

Сомнения преследуют меня. Вот настигнут – и я не смогу уйти.

Натаниель кивает, коротко и покорно, будто он готов служить.

---

[2] Jack Wolfskin – немецкая компания, производящая верхнюю одежду.

– Что у тебя с собой?

– Револьвера по-прежнему нет, если ты намекаешь на наш прошлый разговор перед возвращением в Лиаскай. Или правила изменились?

– Мне обыскать вас, Ваше Величество?

– Ах, совсем забыла! Обыскивать у тебя отлично получается, – ядовито улыбаюсь я, кивком указывая на рюкзак. – Сам посмотри. Немного еды, вода, нижнее белье.

Надеюсь, он не станет копаться в моей одежде… Вдруг найдет тот комплект из черного кружева?

– Тампоны, таблетки для очистки воды, шоколад, запас таблеток на полгода, аптечка первой помощи, йод и антибиотики, на всякий случай…

– Надеюсь, желтую карту ты тоже захватила.

– Нет, на ней почти не осталось места.

– Не доверяешь системе здравоохранения Лиаскай?

– Не обижайся, – вздыхаю я, – но обработка ран соком трав и предохранение отварами из корней – это какая-то альтернативная медицина.

– Но она работает, – возражает Натаниель. – Как думаешь, зачем я изучаю фармацевтику? Хочу понять, почему натуропатия здесь менее эффективна. Или ты полагаешь, что в Завременье люди крепче здоровьем, чем в Лиаскай?

– А разве нет?

– Они просто раньше понимают, что больны.

– Да плевать, я все равно возьму лекарства с собой. Все, больше ничего не нужно.

– Неправда, – с этими словами Натаниель идет к узкому дивану и берет синай. Поклонившись, он передает это мне, и я даже не знаю, чего в его поклоне больше – насмешки или уважения.

– Спасибо, – сдержанно говорю я.

И зачем мне тренировочная палка? Я, вообще-то, Королева и надеюсь, что мне не придется с кем-то драться сразу по возвращении в Лиаскай. Честно говоря, сразиться я хочу лишь с одним человеком. С Кассианом. В этот раз я мешкать не стану, как только появится возможность – убью его.

– Это палка, чтобы избить Короля до полусмерти?

– Посмотри.

И тут меня осеняет. Над рукоятью красуется тонкая линия: на первый взгляд кажется, будто это точеный орнамент. Сверху спрятан крохотный рычажок, который с тихим звоном запускает механизм, позволяющий повернуть рукоять. Верхняя часть снимается, и я понимаю, что именно держу в руках. Подарок Натаниеля только похож на тренировочную палку. На самом деле это деревянные, обитые шерстью ножны, в которых прячется оружие.

– Боже мой! Это… катана?

– Цуруги, – поправляет Натаниель.

Я и сама знаю, но от удивления все позабыла.

– В отличие от катаны, цуруги симметричный и обоюдоострый. Я подумал, что неплохо бы тебя вооружить. Мечи в Лиаскай очень тяжелые, а чтобы ударить кинжалом, надо подобраться близко к противнику. Японский меч не годится для сражений, но для самообороны – самое то, особенно если знать слабые места в броне противника. Запомни хорошенько: техника защиты против тяжелого меча не сработает. Клинок треснет или даже расколется.

– Значит, надо отражать атаки скольжением, – договариваю я. Кендо многому меня научило. – Откуда ты его достал? Не перекупил же? – Собираюсь проверить остроту клинка пальцами, но Натаниель бросает на меня укоризненный взгляд.

– Поверь, он острый. Если хочешь – подкинь шелковый платок, как в кино делают.

Нет, в другой раз. Убрав клинок в ножны, щелкаю рычажком.

– Как-нибудь потом.

– Вот и славно. У меня как раз нет шелка.

Словами не выразить, как я ему благодарна.

– Натаниель, спасибо тебе! Надеюсь, я достойна такого клинка.

– Ты готова?

Да. Нет! Я так долго ждала. Мне правда нужно?..

Вдох-выдох. Я киваю.

– Тогда открой, пожалуйста, входную дверь, – просит Натаниель.

Непонимающе смотрю на Натаниеля:

– Зачем?

– Ты должна взять меня с собой, – поясняет он. – Сама знаешь, что это значит.

У меня перехватывает дыхание.

– Что? Нет, быть такого не может!

Зачем я себя обманываю? Я ведь знаю, как работают прыжки в другой мир. Натаниель не может использовать Церцерис, потому что на нем магическая руна моей семьи.

– Только если мы не тайные брат и сестра… – улыбка Натаниеля полна боли.

Я разглядываю его смуглую кожу, медово-карие глаза, темные волнистые волосы – с лета они отросли. Едва ли найдутся люди, столь не похожие друг на друга, сколь мы с Натаниелем.

– Ты впадешь в кому. Я не могу забрать твое тело с собой?

Он пожимает плечами:

– Ты ведь это пережила. Я сам обо всем позабочусь, когда верну свой Церцерис.

По блеску в глазах Натаниеля я понимаю, что возвращение Церцериса – одна из его главных задач. Бедная Кристина Босуорт!

– Просто хочу, чтобы мое тело нашли и увезли в больницу. Не лучшее время для смерти.

Мне дурно. Сердце сжимается от одной мысли, что Натаниель, сильный, гордый и честный Натаниель будет лежать на больничной койке в вегетативной коме. Но он прав. Я это пережила.

– Нам все равно придется вернуться. Я ведь дала твари слово, что заберу ее.

– Она погубит тебя.

– С чего такая уверенность?

– С чего? Я просто чувствую, что эта тварь когда-то была очень могущественной. И она хочет вернуть себе это могущество.

– Поэтому она плохая?

– По-твоему, она хорошая?

– А какими видим себя мы сами и какими нас видят другие?

Я думаю о маме, которую заставила забыть, кто она и что для нее важно.

– Пора. Здесь полдень, в Лиаскай раннее утро. Нам нужно добраться засветло, – говорю я.

По спине бегут мурашки: я знаю, что нас ждет ночью. Однажды я недооценила Долину Ночного Прилива, но больше такого не повторится.

Натаниель вешает на пояс кинжал, надевает кожаную куртку, а я открываю дверь и поворачиваю замки на случай, если сквозняк ее захлопнет.

– Куда ты нас перенесешь? – интересуется Натаниель.

– Есть одна деревня, но я не могу провести тебя туда. Тебе придется подождать поблизости. Я ненадолго, только удостоверюсь…

– Что у Салливана все хорошо?

Натаниель настроен скептически. Я молчу, и он вздыхает:

– Согласен.

Достаю из кармана Церцерис. От него исходит живое тепло, будто он – часть меня. Открываю его, чувствуя, что возвращаюсь домой.

– Здорово, что я отдала той твари воспоминания, – шепчу я, обращаясь к себе, а не к Натаниелю.

Я думала, что от вида ночных небес мне станет очень больно, ведь Вики тоже была Королевой Ночи. Но боли нет, только тихий гул, легкое волнение, словно я вот-вот получу то, что принадлежит мне. И неважно, что это.

Лиам, я скоро вернусь.

Я цепляюсь за эту мысль, выуживаю ее из прочих и смотрю на нее из хаоса. Мы с Натаниелем беремся за руки. В душе мелькает искра сомнения: хватит ли мне сил забрать Натаниеля? Что, если…

Нельзя сомневаться. Снова думаю о Лиаме, о его словах, что в Лиаскай мешкать нельзя, и падаю. Падаю в глубину магии.

Глава 10

У меня не хватает сил.

С первой волной магии на меня обрушивается уверенность: не получилось то, что обязательно должно было получиться.

Я рассыпаюсь на песок, песок рассыпается на песчинки, и их уносит прочь… Я окончательно теряю контроль, и даже мысль о нем кажется бесплотной. Меня больше нет, есть только чувство неудачи и воспоминание, за которое я должна ухватиться. Но что это за воспоминание?..

Парящие частицы, на которые я распалась, становятся все тяжелее. Они твердые, будто отлитые из свинца. Их затягивает в водоворот, они беспорядочно кружатся и летят в глубину. Все быстрее.

Магия не подчиняется мне.

Она затягивает меня в бездну.

Глава 11

Меня разорвало на части.

Вот первая мысль, которая всплывает из черной пустоты. За ней следует вторая: меня разорвало на части, но я все еще мыслю. И тут приходит осознание, ясное, словно миг пробуждения от кошмарного сна. Понятия не имею, где я. Но я – дома.

Это Лиаскай. Из-за нее зудит невидимый след на лбу, оставленный тиарой Стелларис. Лиаскай приводит меня в чувство, заставляет мое сердце биться быстрее. Она сияет вокруг, сияет во мне, переливается всевозможными оттенками золотого, оранжевого и розового, будто рассвет. Она прекрасна, как день после долгой ночи. Лиаскай испытывает облегчение, которое никак не вяжется с одолевающими меня ужасом и смятением. Но ее чувство так сильно, что на глаза у меня наворачиваются слезы: я будто обняла того, по ком очень скучала…

С тихим стоном я поднимаю голову и вглядываюсь в серые сумерки: где же то блещущее красками утро, которое я видела в своем воображении? Я лежу на осыпи у скалы, уходящей высоко вверх. Запрокидываю голову, но все равно не вижу, есть ли у нее предел. В воздухе витает какой-то странный запах. Касаюсь влажного лба – пальцы пачкает кровь вперемешку с потом и темно-серой грязью. Я уже думала, что расшибла голову, но нет, это просто царапина. С усилием встав на колени, оглядываюсь по сторонам. Цуруги валяется неподалеку среди камней. А там… Тут я вскакиваю, хватаю меч и, опираясь на него, ковыляю вперед. Радость от возвращения в Лиаскай угасла: передо мной зияет пропасть. Я на каком-то отроге, кругом лишь скалы и ущелье, которое кажется бездонным. Из него поднимаются пары, пахнущие серой, холодом и солью, будто там, на дне, бурлит кровь. Меня мутит, и я потираю лицо, чтобы успокоиться. Здесь до необычайности тепло, на мгновение мне даже кажется, что я попала прямиком в преисподнюю. Ладно, не суть важно, потом разберусь, что это за место. Сейчас главное другое: где же Натаниель?

– Натаниель! – окликаю его я.

Сначала кричу тихо, боясь, что меня услышит кто-то другой. Затем, покрепче сжав меч – обитатели ущелья, только попробуйте подойти, – зову Натаниеля снова и снова, срывая голос.

Никто не отзывается. Только из ущелья то и дело доносится шипение, а глубоко в недрах скал что-то клокочет, будто у камней есть нутро.

– Натаниель! – хриплю я. Слезы градом катятся по лицу – не знаю, виной тому отчаяние или странные пары. Натаниель где-то здесь. Я ведь удержала его, в этом сомнений нет.

Осторожно иду по краю отрога. Как глубока эта пропасть? Пинаю камешек и жду, когда раздастся тихий стук: у пропасти должно быть дно. Тишина длится целую вечность, и я разрываю ее, окликая Натаниеля.

Ничего.

Вдруг Натаниеля выбросило совсем рядом со мной и он… Нет! Нет, не может такого быть! Поспешно отмахиваюсь от этих мыслей – Натаниель не упал в пропасть. Нельзя поддаваться панике. И чувство вины мне ничем не поможет. Я всю голову сломала, но так и не поняла, почему перенеслась сюда. Я представила себе местность между Лирийскими горами и Долиной Ночного Прилива. Но как только магия подхватила меня, прежняя цель исчезла. Магия избрала иной путь и увлекла нас за собой. Но куда мы попали? Где я? Может, это какое-то ущелье в Лирийских горах? Нет, там камни слегка поблескивающие, светлые и шершавые. А здешние скалы темные и гладкие. Стряхивая с шубы пыль, я замечаю, что она сверкает, будто обсидиан, вулканическое стекло. В ужасе смотрю вверх. Пары, поднимающиеся из ущелья, окутывают все плотным туманом. Неба совсем не видно. Я попала в вулкан?

– Куда меня забросило? – Сама не знаю, к кому обращаюсь. К Лиаскай? К магии? К Церцерису отца, который я сжимаю в руке, или к самой себе?

Где Натаниель?

Звать его смысла нет. Здесь могут быть и другие отроги. Если повезет, то я найду Натаниеля на одном из них.

«Почему он не откликнулся на твой зов?» – шепчет голосок в голове, но я заставляю его умолкнуть. Сняв шубу, скатываю ее валиком и вместе с мечом прикрепляю к рюкзаку. Теперь надо придумать, как отсюда выбраться.

Карабкаться вверх бесполезно. Скала гладкая, отвесная, уходит куда-то ввысь. Нет, по ней мне не подняться. А вот спуск выглядит не столь безнадежно. В камнях много трещин, в которые можно упереться ногами, и маленьких щелей, за которые можно ухватиться руками. Я неспешно спускаюсь: понятия не имею, как глубока пропасть, и не уверена, что в следующий миг смогу найти опору. Мучительно медленно лезу вниз, и руки пугающе быстро устают. На несколько секунд я замираю в полной уверенности, что не могу ни подняться обратно на отрог, ни продолжить спуск. Пот льет в три ручья, от повлажневших ладоней на вулканическом стекле остаются блестящие пятна. Хочется зареветь, но я боюсь, что тогда силы окончательно меня покинут.

«Нет, я больше не могу!» – думаю я.

И вдруг меня охватывает спокойствие и решительность, словно кто-то ласково подул на саднящие ладони и придал мне смелости. Трещины в скале, за которые я цепляюсь, не изменились, но теперь кажется, будто края у них не такие острые. Я представляю себе, как нахожу опору в камнях. Иногда нужно лишь немного уверенности.

– Спасибо, – обращаюсь я к Лиаскай, не разжимая губ.

Тут я слышу стон. Совсем тихий. Даже не стон, а приглушенный вздох.

– Натаниель?

Собрав всю волю в кулак, я спускаюсь дальше. Вот он, другой отрог. Оценивать опасность сил нет. И я просто прыгаю, надеясь, что отрог – не игра воспаленного воображения. Приземляюсь жестко, обдираю о камни руки и колени. От удара ножны с мечом падают и с грохотом отлетают в сторону. Я тянусь за ними и краем глаза замечаю рядом какое-то движение. Поворачиваю голову, но там ничего нет. Наверное, это было видение, и теперь оно рассеялось.

Здесь темнее, жарче, от паров голова соображает тяжело и туго, будто я напилась. Вот, снова тот звук! Словно кто-то пытается дышать.

– Натаниель?

Тишина. И вдруг – негромкий смешок. Меня охватывает невероятное облегчение, которое затмевает все: удушливые пары, пыль на ладонях, боль в коленях. Я ковыляю на звук, не обращая внимания на мелькнувшую тень. Натаниель лежит, привалившись к камню. Голова у него вся в крови, которая тонким ручейком сбегает по лбу. Рядом с Натаниелем уже натекла целая лужа крови… От одного взгляда на нее мне делается дурно.

– Майлин, – шепчет Натаниель. Он смотрит невидящим взглядом куда-то сквозь меня. Отойдя в сторону, я понимаю, что это значит. Натаниель меня не видит.

Я опускаюсь на колени рядом с ним. В сумеречном свете ничего не видно, и я не знаю, как помочь Натаниелю. Да кого я обманываю? В рюкзаке есть бинты, но будет ли от них толк? На голове у Натаниеля огромная рана, однако кости целы. Плохо, если у него сотрясение мозга, но вдруг что-то похуже?.. Я машу рукой перед глазами Натаниеля, но он не реагирует.

– У тебя все хорошо? – озабоченно спрашивает он.

Не придумав ничего путного, говорю:

– Да уж получше, чем у тебя. Натаниель, ну как так?

Он еле-еле качает головой:

– Ты ведь захватила пластыри.

– Брось свои шуточки, Натаниель. Ты меня видишь?

«Умоляю, скажи, что видишь, – думаю про себя. – Просто скажи «да», соври мне!»

– Нет. Боюсь, я сильно приложился головой.

Дело дрянь. Дрянь-дрянь-дрянь!

– Ладно. Разберемся. Такое бывает, но затем должно пройти.

Натаниеля надо вернуть в Завременье. Я дрожащими руками выуживаю из кармана Церцерис. Он перенесет нас обратно, Натаниелю нужно в больницу, и как можно скорее! Но открыв медальон, я понимаю, что он нам не поможет. В ночных небесах нет ни капли магии. Касаюсь их, но ничего не меняется. Церцерис холодный, пустой и совершенно бесполезный. Магии требуется время, чтобы восстановиться, но… Тут сердце у меня сжимается. Вдруг этот неудачный прыжок сломал Церцерис?

– Не знаешь, куда нас занесло? – интересуюсь я. – Здесь повсюду вулканическое стекло. По-моему, это кратер или какое-то ущелье. Может, мы в вулкане? Чувствуешь, серой пахнет?

Натаниель кивает, но для его головы это уже слишком. Он заваливается на бок, а мое сердце стучит быстрее.

– Эй! Останься со мной. Не бросай меня одну в этой дыре! Не впадай в беспамятство, ни к чему это, слышишь? Ты просто расшиб голову. Рана сильно кровит и выглядит жутко, но на деле все не так страшно.

Натаниель не отвечает, и мне это не нравится. Достав из рюкзака бутылку, я брызгаю на Натаниеля водой. Вдруг у меня за спиной раздается рычание. Я быстро оборачиваюсь – и бутылка падает на землю. Из моей груди вырывается тонкий скулеж, потому что в нескольких метрах от нас стоит серебристо-серый волк, здоровый, размером с пони. Он с убийственным спокойствием нас разглядывает. Трясущимися руками я вытаскиваю меч из ножен и направляю его на могучего зверя, но тот продолжает просто смотреть. Затем – я и глазом моргнуть не успеваю – волк быстро исчезает и появляется снова, теперь совсем рядом с Натаниелем. Волк поводит носом, и я знаю, что он чует. Кровь.

– Даже не думай, – шиплю я, делая несколько быстрых шагов навстречу зверю. Но он снова испаряется и возникает в другом месте. Ближе не подходит, просто наблюдает за моими действиями.

И тут волк, задрав морду к небу, издает странный звук, совсем не похожий на обычный волчий вой, который я слышала. Нормальные волки воют звонко и тоскливо. Они будто зовут того, кто недостижим и далек. За последние полгода я поняла, почему тот вой так бередил мне душу. Есть в нем что-то от моей собственной судьбы, ведь я постоянно по ком-то тоскую и могу только молить ночные небеса, чтобы мы снова воссоединились.

Но вой этого волка другой. Он звучит как воинственная песнь, которую победители, празднуя свой триумф, поют в память проигравших.

– Майлин, – хрипло шепчет Натаниель за моей спиной. – Это ветровый волк. Майлин, беги!

Ни за что! Я угрожаю зверю мечом. Плевать, ветровый он волк или нет. Решил нами отобедать? Значит, очень оплошал.

– Он позвал стаю.

В гробу я видела его стаю.

– Майлин, – Натаниель говорит спокойно, будто нам не угрожает ужасная опасность. – Миледи. Ваше Величество. Прошу, уходи. Мне уже не помочь.

– Заткнись, – шиплю я, не спуская глаз с волка. Тот осторожно подходит ближе, наклоняя голову. Взгляд у него умиротворенный, но мне от этого не легче.

Я невольно вскрикиваю, когда в тумане мелькают еще две тени, которые неожиданно перекидываются в волков. Они чуть поменьше первого и явно моложе. Мех у них так и лоснится, а в глазах сверкают любопытство, желание поразвлечься и голод. Я атакую одного из них быстрым ударом – меч со свистом рассекает воздух, а волк, превратившись в ветер, в следующий миг оказывается у меня за спиной. Плохо, теперь он запросто может меня укусить!

Но волк этого не делает. Я стремительно оборачиваюсь, и он исчезает, снова появляясь рядом со своими собратьями.

Одно дело сражаться, понимая, что противник сильнее и лучше тебя. И совсем другое, когда он открыто демонстрирует, что не будет с тобой драться. Когда он просто изучает тебя, анализирует, – словом, развлекается и коротает время. Чтобы затем уничтожить, беззлобно, одним ударом. И все это понимают. Волки. Натаниель. Одна я сжимаю меч, собрав всю волю в кулак: я вытащу нас отсюда. Я не для того вернулась, чтобы помереть в этой вонючей дыре.

– Вы знаете, кто я? – цежу я сквозь стиснутые зубы.

Три быстрых шага вперед – я бросаюсь в атаку на самого крупного, матерого волка. Тот растворяется в воздухе и появляется чуть поодаль.

– Я – Королева Лиаскай, – набрав в легкие побольше воздуха, я почти рычу на волков. – Проклятье, я – ваша Королева!

Но волкам все равно на короны и дворцы.

Волк помоложе исчезает и появляется возле Натаниеля. Тот лежит, смиренно опустив голову на грудь. Я бросаюсь к нему, но второй молодой волк преграждает мне путь. Он двигается со скоростью света! Бью его мечом – клинок снова разрезает пустоту. Волк рядом с Натаниелем, оскалившись, открывает пасть. Я слишком далеко… Нет, не думать об этом! Собрав последние силы, я нападаю на волка, будто он стоит прямо передо мной, и в последнее мгновение разжимаю пальцы, швыряя в него меч. Клинок попадает в волка, но тот снова испаряется. Еще чуть-чуть, и меч угодил бы в Натаниеля. Он, кстати, не такой уж и фаталист: двумя руками прижимает к груди кинжал, готовый вонзить его в глотки волкам, если те решат напасть.

Но волки не нападают. Все трое окружают меня. Они прекрасно знают, что вся сила человека – в оружии, а мой меч валяется далеко от меня. Тихий вой, который издает в ночи вожак, матерый волк, звучит почти печально. Молодые волки вторят ему решительным рыком. Их лапы бесшумно скользят по земле, круг все сужается, и я не могу шагу ступить, не коснувшись чьей-то шерсти. Нет, я не отступлю! Я не хочу, чтобы волки разорвали меня на кусочки и мой прах развеял ветер. Поэтому я докажу им, что и без меча очень опасная хищница.

Я пристально смотрю на матерого волка. Поворачиваюсь, стараясь не сводить с него глаз.

– Я – твоя Королева, – шепчу я. – Ты тоже часть Лиаскай, и я – твоя Королева.

Как же Лиам заставлял меня делать вещи, казавшиеся совершенно бессмысленными? Он обманывал меня. Внушал те чувства, от которых в тот миг была польза. Не умеешь светить – ослепляй!

Расправив плечи, я поднимаю подбородок, будто на голове у меня корона, и делаю шаг к вожаку. Он не обращает внимания на это предупреждение, а два других волка, рыча, подбираются все ближе. Они с нетерпением ждут сигнала от вожака, чтобы наконец-то наброситься. Они готовы к прыжку, их мускулы напряжены. Я ни о чем не думаю и полностью отдаюсь инстинкту. В одно мгновение я бросаюсь на вожака и обнимаю его за шею, зарываясь пальцами в густую шерсть. Краем глаза вижу, что молодые волки кидаются на меня, не сводя желтых глаз с моей шеи. Но ни один из них не решился на атаку. За спиной у меня возникает еще одна тень – и в руках у нее меч. А дальше все происходит так быстро, что я и глазом моргнуть не успеваю. Крепко сжимаю волка в объятьях. Что есть сил отпихиваю его морду от себя. И неожиданно нас захлестывает волной какой-то энергии. Рядом кто-то визжит, сзади раздается вой. Натаниель падает на колени, а волки… исчезают.

Глава 12

Тяжело дыша, я озираюсь по сторонам. Но волки не удалились на безопасное расстояние, чтобы продумать план атаки. Они испарились.

Натаниель рядом. Лицо у него залито кровью и потом, но видно, что он пугающе бледен. Подползаю к нему и обнимаю.

– Что ты сделала? – слабым голосом интересуется он.

Я? Ничего. Но Натаниелю об этом не говорю, ведь тогда встанет вопрос: если не я, то кто?

Облегчение, что Натаниель еще жив, снова сменяется тревогой. Он дышит с трудом, словно грудь у него придавлена камнями. Не представляю, сколько еще он протянет, и ничем не могу ему помочь. Но вдруг здесь, в Лиаскай, найдется тот, кто сумеет его вылечить?

Все из-за меня. Я перенесла Натаниеля в Лиаскай. Я уговорила его вернуться, зная, что он не сможет мне отказать. И затем я оплошала: с магией не справилась, Натаниеля не удержала. Это мой промах.

И теперь Натаниель лежит у меня на руках, его голова покоится на моем животе. Глаза закрыты, будто его успокаивает одно мое присутствие. Ему приходится бороться за жизнь – и виновата в этом только я.

– Мне очень жаль, – шепчу я, наклонившись к его лицу так низко, что губами касаюсь лба. – Если бы я хорошенько подумала! Зря я отмахивалась от мысли, что это будет очень опасно. Опасно не только для меня, но и для тебя.

Натаниель едва шевелит губами, и я не сразу понимаю, что он говорит:

– Это моя жизнь. И так было всегда.

– Но могло быть иначе! Ты сидел бы сейчас в пабе…

Уголки его рта дергаются:

– Ирландское пиво мне не по душе.

– Или смотрел сериалы на «Нетфликс». Или учился в университете, чтобы потом спасать людям жизни.

А не рубить их мечом. Боже мой! Как я могу требовать чего-то от Натаниеля? От того, кто никогда меня ни о чем не просил, забывая о себе и своих желаниях?

– Просто знай. Мне очень жаль!

– Это моя жизнь, – повторяет он, приоткрыв глаза. Во мраке они кажутся почти белыми. – Я продержусь еще немного.

Еще немного. Придумаю ли я что-то за это время?

– Надо убираться отсюда, – решительно говорю я.

Я худо-бедно перевязала жуткую рану на голове Натаниеля, и он немного отдохнул.

– Ветровые волки могут вернуться. Вдруг приведут всю стаю? – беспокоюсь я.

Натаниель может пройти два-три неуверенных шага, но учитывая его состояние, делать этого не стоит. Он по-прежнему не видит. Лезть вместе с ним по скале – безнадежная затея. Над пропастью кружат смутные тени: гигантские птицы с крыльями под два метра. Ох, не к добру это все…

– Бельдар, – с нажимом произносит Натаниель. Он будто хочет, чтобы я хорошенько запомнила это слово. – Иди в Бельдар, Ваше Величество.

– Что там?

Не припоминаю такого места.

– Южнее Ленсхайвена есть прибрежный городок. На картах он не отмечен, но ты его найдешь. Там встретишься с близнецами. Может быть, – Натаниель дрожащей рукой неловко касается моего виска, – они освободят тебя.

– В смысле, снимут власть короны? Разве такое возможно?

Натаниель слабо пожимает плечами:

– Я не уверен. Но однажды получилось. Может быть… Иди в Бельдар. Назови близнецам мое имя – Натаниель.

– Сначала найдем безопасное место, – лепечу я. – Где ты сможешь передохнуть. А я приведу помощь.

Натаниель не отвечает – дурной знак. Хотя он часто так делает, когда я не прибегаю к своему королевскому авторитету. Натаниель опирается на меня, и мы с трудом продвигаемся вперед, метр за метром, шатаясь и тяжело дыша.

Этот отрог больше того, на котором очнулась я, и уходит немного вверх. В душе вспыхивает робкая надежда: вот пройдем немного вдоль скалы, а там и конец ущелью. Но двигаемся мы очень медленно, и с каждым шагом силы все тают. Время от времени к нам подлетают птицы и затем снова взмывают на безопасную высоту. Приглядываются к нам. Они уже поняли, что мы слабы и беззащитны. В лучшем случае эти птицы – падальщики, терпеливо ждущие своего часа. В худшем они набросятся при первой же возможности. Интересно, а сейчас что им мешает?

Натаниель заваливается на меня, и я чуть не падаю. Понятно, ему нужен отдых. Но прежде всего ему нужна настоящая помощь.

И тут я замечаю пещеру. Черное отверстие в скале. Мы чуть не прошли мимо, не обратив на него внимания. Я иду к пещере, выставив перед собой меч, чтобы в случае опасности немедленно атаковать. Нет, никаких диких зверей. Нас поглощает непроглядная тьма. Здесь не видно птиц, не чувствуется едкий запах серы. В какой-то миг мне даже кажется, будто впереди брезжит свет.

Я помогаю Натаниелю сесть:

– Вот так, отдохни немного.

А ведь мне не померещилось! Неподалеку от нас горит огонь.

– Там кто-то есть, – взбудораженно шепчу я.

Снова взваливаю на себя Натаниеля, и мы плетемся дальше. Мысль, что у огня может сидеть кто-то не слишком дружелюбный, мелькает и исчезает. Меня слишком туда тянет.

Натаниель не теряет бдительности:

– Мы ведь не знаем, кто это…

Он умолкает, не в силах закончить предложение.

– Да заткнись ты! Мы и так влипли по уши, – грублю я.

Натаниель собирает остаток сил.

Коридор приводит нас к решетке из вулканического стекла. Она выглядит так, словно сталагмиты и сталактиты проросли навстречу друг другу, а ветер, дующий в этом тоннеле, отполировал их до блеска. За решеткой на стенах висят факелы, освещающие овальную залу. Не похоже, что здесь есть врата или какой-то проход. Что же это, клетка? Да быть такого не может. Для кого?

– Мне здесь не по себе, – сипит Натаниель.

Он не лег – рухнул на землю, а я снова запаниковала. Надо найти того, кто ему поможет. Снова достаю Церцерис: хочу посмотреть, вдруг что-то поменялось. Открываю его, и тут сердце бьется быстрее. От Церцериса по-прежнему веет холодной бесконечной пустотой. Перенестись мы не сможем. Но кусочек ночных небес стал другим. Сапфиры Кассиопеи! Они сияют, словно на свету, хотя я стою в тени. Светится даже трещина: мгла, глубокая бесконечная мгла сверкает внутри. Никогда такого не видела.

– Покажи мне, – раздается вдруг чей-то голос.

Я испуганно вскрикиваю. Кто это? Тонкий девичий голос как-то не вяжется с твердостью, холодом и безысходностью этого места. Такой звонкий, что кажется, будто со мной говорят музыкальные часы.

– Пожалуйста.

Я на подгибающихся ногах подхожу к решетке. Ну, точно. В тени одной из колонн стоит девочка. У нее короткие черные волосы – она будто сама их остригла, – а большие глаза кажутся то зелеными, то золотыми. Кожа у девочки до того бледная, что на лбу и висках видны фиолетовые прожилки. Она очень худенькая, одета в простое поношенное платье. Глядя на ее босые ноги, я с болью вспоминаю Грейс.

– Что?.. – голос срывается, и я прочищаю горло. – Что ты здесь делаешь?

– Пожалуйста, покажи мне небо. И ночь, – губы девочки улыбаются, но взгляд очень серьезный.

Внутри у меня все дрожит. Хочу отшатнуться, но не могу. Но нечто крохотное и отважное во мне заставляет подойти к решетке вплотную.

– Кто ты? – интересуюсь я.

Правильнее было бы спросить: «Что ты?»

Девочка молча улыбается. Ее взгляд будто невольно скользит к руке, в которой я сжимаю Церцерис.

– Назови свое имя, – требую я. – Тогда покажу медальон.

«Отвратительная идея!» – кричит интуиция.

Девочка наклоняет голову – звериный жест, напоминающий мне волков.

– Я не могу.

– Почему?

– У меня нет того, что тебе нужно.

У нее нет имени? Дивиться тут нечему. У Грейс тоже не было имени, когда мы только познакомились. Может, девочку заперли здесь в наказание.

– Ты служанка?

– Да. – Она улыбается еще шире.

– Почему тебя здесь заперли?

– Мне не позволено служить. Теперь покажешь?

«Нет, нет, нет. Не надо, не надо!» — Предупреждение проносится в голове жемчужной нитью, и я понимаю, кто мне его послал. Лиаскай.

«Почему нет?» – сосредоточившись, мысленно спрашиваю я.

Перед внутренним взором мелькает корона. Тиара Стелларис.

– Кому ты желаешь служить? – выдавливаю из себя я, окидывая девочку взглядом. Сколько ей лет? Сложно сказать. Шесть или восемь, может, десять или двенадцать. Или…

– Лиаскай, – отвечает она, словно это нечто само собой разумеющееся. – Так можно посмотреть?

Я снова открываю Церцерис. Сапфиры блестят, словно настоящие звезды, а из трещины сочится мгла, и я не знаю, хорошо это или плохо. Вытянув шею, девочка смотрит на медальон, и ее улыбка становится радостной.

– Ты знаешь этот Церцерис, – догадываюсь я.

– Очень хорошо. Я хочу его потрогать.

– Нет.

У меня по коже пробегают искорки, словно от легкого удара током. Я перевожу взгляд на девушку и вдруг вижу на ее лице горе.

– Церцерис поврежден, видишь? Боюсь, он сломается, если…

«Если к нему прикоснется кто-то, обладающий твоей силой», – собираюсь сказать я, но слова застревают в горле.

– Он не поврежден, – говорит девочка, прижимаясь лбом к решетке. – Я просто изменила его. Мне пришлось это сделать, чтобы он вернулся ко мне.

– Так Церцерис принадлежит тебе? На нем знак твоего клана?

Не нравится мне это. Вот скажет эта юная особа «да», и окажется, что мы родственники.

Но девочка качает головой и заливается смехом, звонким, как колокольчик.

– Значит, ты чароносец? – предполагаю я.

Кто кроме них может изменять Церцерис?

– Я не принадлежу клану, – отвечает девочка. – Они все принадлежат мне.

И тут в ее узком безобидном личике я вижу кое-кого другого. Мрак, тень и зло. У них есть кое-что общее: одиночество.

– Сюда приходил междумирец, – догадываюсь я.

От одной мысли пробирает дрожь, ведь это было так давно. С тех пор прошло лет десять.

– Он пытался освободить тебя, да?

От сожаления лицо девочки кажется темным, несмотря на пляшущий свет факелов.

– Он стоял на том же месте, где сейчас стоишь ты. В одной руке он держал Церцерис, а другой сжимал мою ладонь. Он собирался вытащить отсюда. Я предупреждала, что ничего не выйдет. Это место защищено чарами.

– Вас разорвало, – шепчу я. – Вы существуете в обоих мирах лишь наполовину.

Что же она такое, если выглядит так прекрасно, даже утратив свою половину?

– Именно так. Мой слуга потерпел неудачу. Но ему удалось забрать мою ненависть в тот мир, о котором он рассказывал. Без ненависти мне живется гораздо легче.

– Но как ты здесь живешь? Кто о тебе заботится?

Я вслушиваюсь в клокот, раздающийся в глубине гор. Вдруг появятся те, кто охраняет эту девочку?

– Представь, будто Лиаскай даровала тебе бессмертие, чтобы ты могла ей служить, – говорит девочка. – Как думаешь, это благословение или проклятие?

Дыхание замирает у меня в груди. Бессмертие. Эта девочка бессмертна? Ей многие сотни лет? Сколько она томится в этой каменной клетке? Нет, такое… Но мы же в Лиаскай, а здесь нет ничего невозможного?

– Правильно. – Девочка по-своему истолковывает мое молчание. – Я тоже не знаю ответа, хотя у меня было много времени на раздумья.

– Давно ты здесь? – спрашиваю я.

Сама того не осознавая, я подошла так близко, что теперь кончиком носа задеваю решетку.

– Не знаю, сколько лет, – объясняет девочка, поглаживая решетку. – Минуло три больших войны.

Три. Войны.

И последняя была пятьсот лет назад. Рассудком я отчаянно пытаюсь найти этому объяснение. Девочка может лгать. Все происходящее может оказаться спланированной игрой, цель которой запутать меня и заставить плясать под чью-то дудку. Но в голове я слышу шепот Лиаскай, подтверждающий каждое слово девочки. Что-то мне нехорошо… Не устояв на ногах, я сажусь на камень.

– Все это время ты сидела здесь, – голос у меня срывается, – взаперти? Никто тебя не навещает? Тебе не дают ни еды, ни воды?

– Мне это не нужно.

– Но… как ты все это выносишь?

– Временами я теряю рассудок, – говорит она так, будто речь о чем-то обыденном, – но, поискав хорошенько, нахожу его снова. Скоро на это потребуются годы.

– Ты… – Я не могу выдавить ни слова, в горле словно застрял ком. – Ты здесь совсем одна?

– Иногда ко мне приходят волки. Ты их видела, так ведь?

– А ты их прогнала. Сидя за решеткой.

– У меня осталось мало сил, но для жизни в ущелье их хватает. Я хотела поговорить с тобой. Со мной так давно никто не разговаривал на языке рта и губ. Я даже думала, – она тихонько смеется, – что разучилась на нем общаться. Лиаскай посылает мне сны и истории о нашем мире. Она поведала мне и о тебе, Королева.

Ей известно, кто я.

– Я многое о тебе знаю. Ты – дочь слуги, который приходил ко мне.

– Его зовут Макер Уолш. А мое имя Майлин.

– Может, и так. Но твое имя мне ничем не поможет.

В шепоте Лиаскай слышатся тысячи голосов. Я не разбираю слов, улавливаю только чувства. Это тоска, желание, любовь к этой девочке, на которую у Лиаскай были большие планы. Королевы гибнут, не выдерживая ее мощи, а девочка разрешила бы все затруднения. Она – идеальная Королева. Избранная Лиаскай. Значит, Лиаскай пыталась устроить так, чтобы не убивать девушек-королев. Это очень трогательно. Но также я чувствую, что Лиаскай хочет меня предостеречь. Нравится мне это или нет, но сейчас Королева – я. И в случае опасности Лиаскай будет защищать меня даже от собственного творения.

– В Завременьи я пообещала одному существу вернуть его в Лиаскай. Это была твоя другая половина, да?

– Ты боялась ее? И правильно делала. Я благодарна тебе за то обещание всеми зимами, которые обжигали холодом мою душу. Но будь осторожна. Я исполню предназначение и пойду на все, – вытянув руку, она касается моей щеки, скользит от подбородка к шее. – И тогда я не буду ведать пощады. Я сорву свою корону с твоей головы.

Лиаскай любит эту девочку. Я чувствую лишь отражение этой любви, но с трудом выдерживаю ее невероятную мощь. Наверное, так мать любит свое дитя. Но сейчас Лиаскай любит и меня.

Первым моим порывом было сказать девочке, мол, пусть забирает корону. Я никогда не хотела быть Королевой, и короновали меня обманом и ложью. Но тут в голове мелькает предупреждение – оно пришло извне, но быстро смешалось с моими собственными мыслями.

Девочка решит, что я слаба, раз не хочу власти, которую она ждет уже много веков. Надо, чтобы она считала меня сильной.

– Есть способ открыть клетку?

Девочка по-человечески растерянно вздыхает:

– Ее запечатали кровью брата. И только его кровь разрушит решетку.

– Твой брат.

Еще одно бессмертное существо. И оно гораздо опаснее томящейся здесь девочки.

– Он тебя заточил?

– Лиаскай столько всего мне подарила. А ему – ничего. Но он родился первым, все дары предназначались ему: бессмертие, титул и любовь Лиаскай. Но Лиаскай решила иначе и не полюбила его. За это он заточил меня здесь и забрал все себе.

– Почему? – недоумеваю я. – Почему Лиаскай такое допустила?

– Тогда в магии царил хаос. Кланы только появились. Юноше с большими планами и огромным богатством не составило труда найти людей, особенно талантливых в магии, – во взгляде девочки мелькает одобрение, даже восхищение. – Они были отчаянными. Безрассудными, совсем не боялись, что магия уничтожит их. С некоторыми так и случилось. Другие преуспели. Они не смогли отобрать у меня все бессмертие, но забрали какую-то часть и передали ее брату. Затем заточили меня с помощью его крови. Люди быстро обо мне позабыли.

И до сих пор Лиаскай никак не могла мне помочь. – Она печально улыбается. – В этом вся трагичность судьбы богов. Их сила зиждется на вере, а вера очень хрупка. Ее легко сломить.

«И иногда веру ломают и придают ей другую форму. Форму, которая угодна власть имущим», – думаю я.

– Я превратилась в легенду. Легенду передавали из уст в уста, с годами она менялась, пока на смену не появилась совершенно новая вера. Новые ритуалы, которые занимают умы людей, отвлекая от поисков истины.

Волосы у меня встают дыбом. Наконец-то я поняла культ королев, которых забирают из моего мира.

– Натаниель, – шепчу я, не оборачиваясь к нему, потому что не могу отвести взгляд от девочки. – Пророчество не лжет, но его трактуют неправильно. Девушка из Завременья – это не девушка из моего мира. Все проще: это девушка из минувших времен. Пророчество о ней, Натаниель! Она, не сгорая, может носить тиару Стелларис и сдерживать мощь Лиаскай.

Не могу поверить. В этом ущелье, куда нас привел след папы и его Церцерис, мы нашли ее…

– Натаниель, она – Истинная Королева.

Но Натаниель не отвечает. Я не слышу ничего, кроме потрескивания факелов и собственного дыхания…

– Натаниель?

Глава 13

– Эй? Ты как? – Я медленно опускаюсь на колени рядом с Натаниелем. – Ты спишь?

Мягко трясу его за плечо, но Натаниель не реагирует. Его веки неподвижны. Сердце у меня замирает в груди, а с губ срывается беспомощный скулеж. Вцепившись в кожаную куртку, я трясу его сильнее, но он лишь безвольно роняет голову на плечо.

– Нет, пожалуйста! Не сдавайся, прошу, нет, пожалуйста, пожалуйста…

Я проходила курсы первой помощи и узнала, что нужно делать, однако сейчас в голове у меня осталась пустота. Королева что-то говорит, но я ничего не слышу. Дрожащими руками касаюсь скулы Натаниеля. Легонько похлопываю его по щеке, затем залепляю пощечину.

– Проснись, умоляю, проснись!

Ничего. Почему он даже не пошевелился? Почему он такой холодный? Что же мне делать?

Я падаю на Натаниеля, утыкаясь лицом ему в грудь. Пожалуйста, умоляю, не поступай со мной так.

Тут в голове проносится здравая мысль. *Сердцебиение*. Надо проверить, бьется ли его сердце, дышит ли он. Неуверенно касаюсь шеи Натаниеля, ища пульс, и прижимаюсь ухом к его груди. Должно… Он должен…

– Натаниель, умоляю… Ну же!

Я всхлипываю, меня колотит дрожь: ничего не понимаю. Но я уверена, что Натаниель дышит. Слабо, тяжело, редко, и это меня не утешает. Но его сердце бьется. Осторожно ощупываю его голову, перебинтованную рану. Она сильно опухла, но все, что я могу сделать, – это приложить смоченный платок, чтобы охладить ее.

– Я знала, что он твой воин, – произносит девочка, наблюдающая за каждым моим движением. – Но между вами нечто большее?

– Он мой друг, – отвечаю я. – Мой самый близкий друг. Может, единственный. В любом случае, только ему я могу доверять.

Девочка молчит, словно размышляя о чем-то.

– Он умирает, – сорвавшиеся с губ слова звучат холодно, будто они сделаны изо льда. – И это моя вина. Он не должен был возвращаться.

– Это так. Его возвращение принесет Лиаскай лишь горе. Твой воин потерял кусок небес, и он попал не в те руки. Это приведет к хаосу. Магия опасна и принадлежит кланам.

Она говорит о Церцерисе Натаниеля, который достался Крис Босуорт. И в этом тоже виновата я.

– Кристина не может воспользоваться Церцерисом, – слабо возражаю я.

– Ты так сильна, Ваше Величество, но ничего не знаешь? Сила и незнание – очень опасная смесь. Она может воспользоваться Церцерисом, ведь его владелец снова очутился в Лиаскай. Остается понадеяться, что он умрет прежде, чем она узнает о его возвращении.

– Он не умрет, – говорю я так, будто это зависит от меня. – Должен быть способ его спасти!

– Разве для Лиаскай есть что-то невозможное?

– Значит, ты знаешь, как его спасти? Прошу! – Я вскакиваю, подбегаю к девочке и хватаюсь за решетку, будто желая ее сломать. – Она может помочь ему? Я не понимаю, как с ней связаться, не знаю языка, на котором ее умоляют. Но ты, ты ведь знаешь!

– Ведай я, как убедить Лиаскай кому-то помочь, не сидела бы здесь, – замечает девочка. – Однако я в силах сдержать то, что отнимает у людей жизнь. Поэтому *я все еще здесь*.

Дыхание у меня учащается.

– Ты можешь… ему помочь?

Боже мой! Спасибо!

– Что мне сделать? – допытываюсь я.

– Не так быстро! – смеется девочка. – Я могу ему помочь, но это не значит, что я хочу помогать. Какая мне от этого польза?

Я судорожно вздрагиваю. Ну же, Майлин, думай! Что ей нужно?

– Я верну то, чего тебе не хватает. Твою часть, очутившуюся в другом мире.

Девочка задумчиво поджимает губы. Она играет со мной, и на кону – жизнь Натаниеля. Мне надо сделать хорошую мину при плохой игре, но не лебезить перед ней: она примет это за слабость.

– Это ты мне уже пообещала, *Королева*.

Думай! Что ей по-настоящему важно?

– Я позабочусь о том, чтобы утерянный кусок небес вернулся к Натаниелю. Все вернется на круги своя, и магия будет в руках клана.

– Вернуть Церцерис, скорее, в его интересах, а не в моих. Или ты полагаешь, что мне, запертой здесь, есть дело до того, что происходит во внешнем мире?

– Тогда чего ты хочешь? Свободы?

– Считаешь это ошибкой?

– Я считаю, что спорить об этом просто смешно, – парирую я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Я давно решила освободить тебя.

Девочка снова заливается смехом. Однако теперь я точно слышу: в нем сквозит неуверенность. Надежда, которую она пытается скрыть, но не может.

– Человек, с которым я связана сердцем, связана так крепко, что наша связь проходит через другие миры… Этот человек однажды уже разорвал магические цепи.

Я думаю о Лиаме, говорю о нем и испытываю гордость. У меня даже получается холодно улыбнуться Королеве.

Я провожу пальцами по решетке:

– Работа чароносцев. Но чтобы заточить Истинную Королеву, этого мало. Я чувствую призрачную магию ткачей снов: из-за нее кажется, будто ты не можешь сбежать, но это неправда. Совместными усилиями кланы наложили на твою темницу очень сильные чары.

Понятия не имею, что я вообще несу. Просто делаю, как Лиам. Не можешь светить – ослепляй!

– Но мой ткач снов – сильнее.

Глаза у девочки блестят.

– Оставь мне что-то в залог, – шепчет она. – Тогда я поверю, что ты вернешься.

Я лихорадочно соображаю. Чего она хочет? Ответ очевиден. Эта девочка – другая половина той твари из Дублина. Светлая часть, в сердце которой нет ненависти и мрака. И все же они с тварью одно целое. Она хочет того же, что и ее темная сущность. Только у меня больше нет… Хотя погодите!

– У меня есть воспоминания, – шепчу я, не уверенная, что сделка не будет стоить мне рассудка или чего-то более ценного. – Драгоценные воспоминания о моей сестре Виктории.

– О Королеве?

Киваю.

– И да и нет. Эти воспоминания другие. Я помню Вики до того, как она стала Королевой. Воспоминания о Королеве я уже отдала тебе.

Девочка отворачивается.

– Такие воспоминания мне не интересны.

– Нет, еще как интересны!

Девочка не оборачивается, но наклоняет голову.

– Это воспоминания о Вики, которая еще не стала Королевой.

По моим щекам бегут невольные слезы: придется отдать все, что у меня осталось от Вики…

– Воспоминания о маленькой девочке, ее любили и оберегали, о ней заботились, – шепчу я. – Девочка жила в семье: с мамой, которая воспитывала ее без всякой строгости, с сестрой, которая всегда была рядом, даже темной ночью, когда девочка просыпалась от кошмарного сна. Эта девочка никогда не была одинока, ни секунды в своей жизни.

«Прости меня, Вики», – мысленно обращаюсь к сестре я.

Истинная Королева все-таки оборачивается. По ее лицу видно, как сильно она желает заполучить эти воспоминания.

– Подтащи его ближе к решетке.

Прости, Вики. Но надо думать о живых.

Глава 14

Мы уходим из пещеры молча, каждый занят своими мыслями. Идти мне с каждым шагом все тяжелее. Впереди брезжит серый свет – там ущелье. Жарко, пахнет серой. Но я чувствую себя совершенно вымотанной совсем по другой причине.

У самого выхода из тоннеля я сажусь на каменный пол и, привалившись к стене, закрываю лицо руками. Во рту кисло, под ложечкой сосет, будто меня вот-вот стошнит.

– Нужно передохнуть?

Натаниель уже снял с головы повязку. За несколько минут глубокая рана на его голове затянулась, оставив шрам в палец толщиной: только он и нездоровая бледность кожи напоминают о том, что какие-то полчаса назад Натаниель был скорее мертв, чем жив. Он одной ногой стоял в могиле. Проклятье! И все из-за меня. Все.

Нет нужды просить у него прощения. Он давно меня простил, потому что для него по-другому и быть не могло. А вот я себя никогда не прощу.

– Не могу, – выдавливаю я из себя.

Натаниель гладит меня по спине.

– Не можешь? Не ты ли заключила сделку, чтобы смертельное ранение исцелилось, будто царапина, которую нужно было лишь залепить пластырем? Чего ты не можешь?

– Все. Это…

«Тяжело», – договариваю я про себя. Нет, здесь нужно другое слово.

– Это неправильно. Я себя не узнаю, и мне страшно.

– Понимаю, – улыбка Натаниеля полна сочувствия, но он не пытается меня ободрить. – Временами из просто Майлин ты превращаешься в Майлин-королеву. И ведешь себя, как подобает Королеве. Наверное, так было со всеми.

– Но это не я.

– Это часть тебя. Чуждая тебе часть, с которой ты борешься.

– Здесь мы столкнулись с тем, против чего я не могла бороться. Мне нужно было показать свою независимость, вот я и вела себя как Королева. Но мне страшно. Меня гложут сомнения! Что же делать?

Натаниель за плечи поворачивает меня к себе.

– Думаешь, что я, королевский воин Вашего Величества, всегда в ладу с собой? И мне не важно, что нужно делать, без разницы, какие приказы выполнять? Ты правда думаешь, что я не ведаю сомнений?

Честно говоря, я об этом даже не думала, отмахивалась от подобных мыслей.

– Натаниель, как можно быть собой, если ты в себе не уверен? Я чувствую, что должна сиять, но не сияю. Я лишь ослепляю, притворяясь тем, кто мне совершенно чужд, кем я не хочу быть.

– Все так делают. За любым титулом, мечом и короной прячется человек, у которого есть сомнения, неуверенность, страхи. Чем больше мы об этом думаем, тем больше сомневаемся.

– К сожалению, – шепчу я.

Натаниель протягивает мне руку, помогая встать.

– Нет – к счастью. Твердое убеждение делает из людей фанатиков, отрицающих все, кроме собственных идей. Сомневаться больно. Но это правильно.

Надо поразмыслить. Я думаю слишком много? Или слишком мало? Сомневаюсь понапрасну – или сомневаюсь не в том, в чем нужно? Какие мои решения были правильнее других и был ли у меня выбор?

Мы идем дальше, держа верхнюю одежду в руках, – в кратере слишком жарко.

– Вдруг этим дело не кончится? – тихо спрашиваю я. – Вдруг одна часть меня победит другую и останется только Королева, а Майлин, которая оказалась в Лиаскай, исчезнет?

– Такого не случится, – отвечает Натаниель.

Откуда ему знать?

– Уже случилось! Я изменилась. Я делала то, что…

– Ты делала то, что необходимо, – мягко заверяет меня Натаниель, касаясь моей руки. – И я тоже.

Он не понимает, о чем я говорю. Он не ведает, что я отдала Истинной Королеве все воспоминания о сестре. Теперь я знаю только, что ее звали Виктория. Смутно припоминаю ее лицо. Но все мгновения, проведенные с ней, испарились. Вместо мощных, ярких воспоминаний, которые сделали меня той, кто я есть, есть лишь тени, и мне не разглядеть, что они прячут.

Боли нет: она далеко и не может навредить мне. Меня больше не одолевают горе и тоска. Мне следует быть благодарной и счастливой.

Но разве, утратив все это, я осталась прежней?

Мы выбираемся из ущелья, и вдруг становится очень холодно. Перед нами простирается огромная пустыня: повсюду снег и сверкающий лед. Сосульки поблескивают на чахлых ветвях, словно диковинные цветы. Из пропасти вырывается теплое зловонное дыхание, но ему до нас не достать. Поскорее бы убраться от этого ущелья.

– Надо же! Я увидел Бездонное Ущелье изнутри, – оглянувшись назад, с неверием замечает Натаниель. – И вышел оттуда живым.

– Так *это* Бездонное Ущелье?

Я нечасто слышала об этом месте и запомнила большей частью из-за Лиама, который использовал его название как ругательство.

– Оно самое. И теперь нас будут воспевать, ибо мы первые, кто смог оттуда вернуться.

– Как жаль, что поблизости нет ни одного слагателя песен.

– Это точно. Расскажем – и нас примут за хвастунов и лжецов. Покажи-ка Церцерис.

Открыв медальон, протягиваю его Натаниелю. Тот кивает.

– Да, я так и думал. Трещина тебе ничего не напоминает?

И тут меня осенило. Я невольно прикрываю рот ладонью.

– Трещина похожа на Бездонное Ущелье.

– Именно. Твоя разорванная Королева наметила на Церцерисе цель. Любой, кто им воспользуется, попадет в Бездонное Ущелье, иначе и быть не может. Пойдем дальше. Если не поторопимся, то уже никому о наших приключениях не расскажем. Темнеет, а зимние ночи суровы.

И не только ночи. Мы двигаемся на юг, и чем дальше от Ущелья, тем ниже опускается температура. Дует пронзительный восточный ветер, в лицо впиваются ледяная крошка и снег. Надвинув капюшон на лоб, я прячу руки в рукавах шубы: иду осторожно, чтобы не поскользнуться на льду. Натаниель обернул шарф вокруг шеи, рта и носа, чтобы легче дышалось, а то воздух слишком холодный. Он прав, одежда из меха и кожи хорошо греет, однако нам нужно постоянно двигаться, чтобы не замерзнуть.

– Здесь поблизости есть деревня? – я почти кричу, чтобы Натаниель меня услышал. Ветер словно сговорился с завывающей метелью.

– Поблизости нет, – отвечает Натаниель и указывает в сторону леса. – Но деревья дадут нам приют на ночь.

Великолепно! Одно дело просто ночевать в лиаскайском лесу. И другое – ночевать в нем во время надвигающейся бури.

– Деревья? А сторожек там нет?

Натаниель бросает поверх своей модной повязки весьма красноречивый взгляд, будто спрашивая, нет ли у меня еще каких пожеланий.

Надув щеки, выпускаю облачко пара. Так теплее.

До леса мы добираемся с наступлением темноты. Смеркается здесь рано и очень быстро. На ветках деревьев висят прихваченные морозом листья. Кажется, будто они забыли опасть осенью и теперь обречены всю зиму висеть так, бросая на лес длинные тени. Скоро совсем стемнеет и придется остановиться. Невольно вздрагиваю – на ветке что-то странное…

– Это?..

Умолкаю на полуслове: сама вижу, что это птички. Безобидные, маленькие птички, которые уселись на ветки поспать и замерзли. Может, птички умерли от холода, или их сгубил голод, потому что они не смогли оторвать от ветвей крохотные лапки. Мы совершенно беззащитны, а спать в лесу, где птицы замерзают на деревьях… Вот только подумаю об этом, и зубы стучать начинают.

Ища, где устроиться на ночлег, мы собираем хворост. Этого хватит, чтобы развести костер. Наконец, мы примечаем хорошее место, защищенное от ветра вечнозеленым кустарником.

– У меня с собой зажигалка, – с гордостью говорю я.

Она избавит нас от многих хлопот.

Но Натаниель, криво улыбнувшись, достает из сумки спичечный коробок.

– Ой, так некрасиво, – дружески подкалываю его я, довольная, что мы сможем развести огонь.

Хворост сырой, поэтому костер сильно чадит, но пылает ярко.

– Здесь водятся дикие звери, которых стоит опасаться? – я недоверчиво вглядываюсь в окружающую нас тьму. – Или люди?

– Зимой их не так много, – вопреки этим словам Натаниель выглядит озабоченным. – Большинство уходят к южным нивам или на север, в Сэйлен. Там горы защищают от пронизывающих восточных ветров.

– Тогда от чего ждать беды?

– Только от ветров. Зародившись на востоке, они обрушиваются вьюгой на Острова Теней и каждую зиму сметают с лица Земли всех, кто пытается там жить. Затем летят сюда.

Меня пробирает дрожь.

– Но здесь не так уж и холодно…

– Говори тише, – мрачным шепотом предостерегает Натаниель. – Вот услышат ветра тебя, и останется только молить Лиаскай, чтобы она задержала бурю и мы успели отсюда убраться. Восточные ветра так холодны, что легкие с первым же вдохом обращаются в лед.

Прикусив губу, я подбрасываю в костер ветку.

– Ненавижу полагаться на удачу, но боюсь, что Лиаскай не контролирует погоду, как мы не контролируем ток крови.

– Значит, миледи, будем полагаться на удачу. Иначе нам…

– Просто скажи как есть. Иначе нам крышка.

Везло нам еще три дня. Три дня, за которые наши запасы, которые мы старались экономить, подошли к концу. Три ночи, которые мы провели у костров или в пещерах, тесно прижимаясь друг к другу, чтобы уснуть. Три дня, за которые мы прошли совсем ничего: идти по твердой мерзлой земле очень тяжело. Намело такие высокие сугробы, что нам пришлось пробиваться прямо сквозь них.

И все три ночи меня не покидало чувство, что Лиам здесь, совсем рядом. Сны стали такими отчетливыми и пугающими, что я не спала часами, только бы их не видеть. По ночам они все равно приходили ко мне, потому что мы с Лиамом находимся в одном часовом поясе.

На четвертый день после полудня я замечаю куст, на котором висят красные ягоды. Они большие и круглые, похожи на помпельмус: иней лежит на них, словно сахарная пудра.

– Что это за ягоды? – спрашиваю я Натаниеля.

Тот только качает головой и знаком поясняет, что куст лучше обойти. Именно в эту секунду я наступаю на что-то, припорошенное снегом. «Ветка», – подумала я, но, разворошив снег сапогом, увидела… копыто! Будто лошадиное, но больше.

Да-да, понимаю, надо перестать смотреть и продолжить путь, но я не могу отвести взгляд от копыта, длинной ноги, туловища животного… Наклонившись, разгребаю снег и рукой в перчатке касаюсь шерсти. Догадываюсь, где под белым покровом находится голова, и смахиваю снег. Это саблерог! Серебристо-серый саблерог, его глаза закрыты. Какая у него тонкая шея… Если бы не кровь у него на губах, можно было бы подумать, что он мирно спит. Стянув с руки перчатку, я дотрагиваюсь до рога. Он холодный и острый, словно заточенный меч.

– Что с ним случилось?

Подойдя, Натаниель сначала указывает на губы саблерога, затем на куст с большими ягодами.

– Эти ягоды называют «багровый вздох». Кто их съест, успеет сделать один-единственный вздох. Сердце замрет в груди.

– Они ядовиты! – смекаю я.

На губах саблерога нет крови – лишь сок ягод.

Натаниель пожимает плечами:

– Я изучал эти ягоды, но ничего не выяснил. В любом случае, убивают они мгновенно.

– Зачем саблерог их съел? Разве животные не понимают, что есть можно, а что нельзя? Они же не пьют из Чумного ручья!

Натаниель забрасывает саблерога снегом.

– Конечно, понимают. Багровый вздох означает легкую смерть. Он убивает быстро. А умирать зимой от голода…

Меня пробирает дрожь. Отогнав скверные мысли прочь, я касаюсь снега рядом с головой саблерога:

– Пусть сбудутся все твои чаяния, все надежды.

Уже не помню, где впервые услышала эту прощальную фразу, но мне кажется, она здесь к месту.

Ветер стих. Натаниель незаметно ускоряет шаг.

– До первого поселения уже недалеко, – оптимистично говорит он. – А там найдем повозку и уедем в Рубию или Ленсхайвен.

Я смотрю по сторонам – и чувствую, как к горлу подкатывает тошнота. Небо ясное и пронзительно-синее, чуть темнее, чем бывает летом. Но на востоке у горизонта будто появилась серебристо-серая стена. Раньше ее не было.

– Когда буря настигнет нас? – просто спрашиваю я.

– В лучшем случае часа через два.

– А до ближайшей деревни сколько идти?

– Где-то три часа.

– Значит…

– Значит, все бессмысленно, знаю, Майлин. Будем искать убежище.

Но Натаниель ошибся. Не проходит и часа, как первые колючие снежинки впиваются нам в лица, даже капюшон не защищает глаза от обжигающе ледяного ветра. Маленькие зверушки, которые не впали в зимнюю спячку, уже попрятались кто куда. Сугробы наметает очень быстро, и я не могу отделаться от мысли, что мы окажемся погребены под снегом и медленно замерзнем до смерти. И, будто этого мало, налетевший порыв ветра треплет мех на моей шубе, надувает ее и рвет, распахивая. Застегнуть пуговицы мешают перчатки.

– Сюда! – перекрикивает рев бури Натаниель. В следующую секунду он исчезает в серой пелене.

Опираясь на меч, спешу за Натаниелем, шуба развевается, словно флаг. Там, в хаосе, темном как ночь, что-то есть. Вытянув руки, понимаю – это скала. Мы ощупью идем вдоль нее. Ветер усиливается, меня шатает из стороны в сторону. Не удержавшись, я падаю: ветер подхватывает меня и отбрасывает на несколько метров в сугроб. Снег забивается под одежду. Не задыхайся я от страха и холода – точно выругалась бы. Поднимаюсь, и Натаниель хватает меня за руку.

– Вот! – вдруг кричит он. – Сюда!

Он нашел безопасное укрытие? Что-то с трудом верится… И каково же мое изумление, когда я замечаю в скале расселину. Натаниель заталкивает меня туда. Мы забиваемся внутрь. Да уж, защищенным это место не назовешь. Ветер задувает и сюда, но он не такой жестокий, а вот снега много. Ничего не поделать, идти дальше мы не можем. Но если не найдем укрытия получше, то погибнем. Присев на корточки рядом друг с другом, мы вжимаемся в каменную стену.

С каждой минутой все холоднее, но снег, забившийся под шубу, тает от тепла моего тела, превращаясь в воду. Мгновения летят, будто снежные хлопья, и нет сил их считать. Я шевелю онемевшими ногами, и их пронзает болью. Почему-то я вспотела. Пальцев совсем не чувствую… Строго-настрого запрещаю себе об этом думать. А что еще мне остается?

Натаниель молчит, но в голове я слышу его голос: «Раз Лиаскай тебя слышит, помолись ей!»

Я не верю в молитвы. Но почему бы не попытаться? Шепчу свои мольбы в снежную бурю. Но она уносит их прочь.

Глава 15

Прошел час, другой. В ушах раздается вой и свист бури. Воздуха не хватает. Жестокая хватка в волосах, во рту привкус крови. И безжалостные воды Лирии. Уже не понимаю, чьи это кошмары – Лиама или мои собственные?

Почему-то потеплело, и я с облегчением вздыхаю. Мне очень жарко, поэтому я стаскиваю с рук перчатки, собираюсь снять шубу, но мокрый мех невероятно тяжел.

– Майлин, – Натаниель хватает меня за локоть, из-за чего рукав шубы слегка сдвигается, обнажая кожу. Снежинки падают мне на ладонь. Какие они теплые. Нет, что-то не так. Знать бы еще, что именно…

– Проклятье! Майлин!

Натаниель заставляет меня глотнуть воды: она булькает в животе, и мне делается дурно. Натаниель стягивает с меня шубу, затем шерстяной свитер.

«Глупая затея, дорогой друг», – хочу сказать я. Какой смысл нам обжиматься? Однако Натаниель тоже раздевается. Он совершенно невозмутим. Ну да, подумаешь, какой пустяк – приставать к лучшей подруге во время снежной бури, когда из одежды на вас одни трусы.

«Да что ты творишь?» – вертится у меня на языке. Я хочу оттолкнуть Натаниеля. Но вместо этого даже не пытаюсь его остановить.

Кажется, Натаниель понял, что занимается какой-то ерундой. Он прикладывает к моим губам бутылку – нет, в ней не вода, что-то горячее, едкое. В горле першит… Сглотнув, я закашлялась: как жжется!

– Ирландский виски, – объясняет Натаниель. – Ничего, скоро будем пить лиаскайский, он куда лучше.

Хочет опоить меня? Лучше бы сделал это в Ирландии. Я ждала, что он попытается… Мне было очень одиноко. И я была готова на все, только бы не чувствовать одиночество. Но теперь? Когда Лиам так близко? Совсем рядом?

«Ты мешаешь с грязью нашу дружбу, Натаниель. Мешаешь с грязью…»

Не успеваю сказать «нет», потому что все происходит стремительно, а я с трудом ворочаю языком, голова у меня тяжелая, глаза слипаются от усталости. Натаниель очень теплый, даже горячий, и я всхлипываю: не знаю, то ли от боли, то ли от облегчения. Да какая разница? Не могу отделаться от странного чувства, похожего на дежавю. Я словно бывала здесь прежде, в этом самом месте. Я словно раздвоилась. Одна часть меня дрожит, ей холодно и в то же время нестерпимо жарко. А другая проваливается в сон, прячется от реальности в прекрасном видении. Лиам, я и та самая ночь, когда он открыл мне свое имя. Лиам. *Мы так долго не виделись. Слишком долго. Но теперь я снова здесь.*

– Лиам?

Голова будто ватой набита, очень хочется снова забыться сном. От неудобной позы ноют затекшие руки и ноги. Я сижу, ссутулившись. Оглаживаю ладонями грудь и плечи Лиама, ощущая под пальцами теплую гладкую кожу, мышцы, которые напрягаются под моими прикосновениями. Вдруг я касаюсь полированного винкуласа. Лиам прочищает горло. Нет, что-то не так. Голос. Запах тела. На коже нет шрамов, а винкулас цел. Моргнув, понимаю, в чем дело.

– Натаниель! Я… прости. Пожалуйста, прости…

– Ничего страшного, ты просто видела сон.

– Что случилось?

Я пытаюсь выпрямиться, но из-за этого одежда, которая лежит сверху, соскальзывает, и ледяной воздух обжигает наши теплые тела. Быстро прижимаюсь к Натаниелю. Мы очень близко… и это пугает. Нельзя так. Что я натворила?

– Тебе приснилось, – хрипло шепчет Натаниель. – Твоя одежда промокла насквозь, ты очень замерзла на холодном ветру. Пришлось тебя согреть.

– Мне было не холодно.

И сейчас тоже.

– Нет, – тихо отвечает он. – Однако в какой-то миг дело приняло опасный оборот.

– Ой. Спасибо. Я… я почти все забыла.

Увы, я прекрасно помню, как целовала Лиама. Всю ночь напролет. Губы будто саднит.

– Даже понятия не имею, что произошло. Мы… я… ты?

Натаниель смотрит и серьезно, и с раздражением.

– Ты спала, Майлин. Тебе приснился он. Считаешь, я воспользовался тем, что ты плохо соображала и не могла отличить меня *от Лиама Салливана*?

Натаниель пытается скрыть горечь, и это ранит больше всего.

– Ты бы так не поступил.

Только вот я не знаю, как поступила сама. Надо бы встать и быстро одеться, но тогда придется вылезти из-под груды одежды и предстать перед Натаниелем и холодным ветром совершенно обнаженной. Свитера, штаны, даже нижнее белье лежат под нами на мерзлой земле. Чтобы достать одежду, придется встать и мне, и Натаниелю. Я чувствую ужасную слабость во всем теле, сердце бьется так, будто вот-вот проломит ребра. Поэтому я просто опускаю голову на грудь Натаниеля, которая мерно вздымается и опускается. Глаза слипаются.

– Поспи еще, – шепчет Натаниель. – Буря стихла, но ночь лучше переждать здесь. Обещаю, утром будет повозка.

Никогда не слышала обещания чудеснее.

Просыпаюсь я ночью. За пределами пещеры на снегу мерцает лунный свет. Тявканье лисы или какого-то зверя, похожего на нее, напоминает хохот. Мы пережили бурю. Собираюсь сказать об этом Натаниелю, но он мирно спит, и я не хочу его тревожить.

Из своего рюкзака я достаю половинку последнего шоколадного батончика. Осторожно выдернув из-под себя свитер, одеваюсь. Я все-таки разбудила Натаниеля. Моргнув, он улыбается мне устало, но довольно.

– Тебе лучше, Ваше Величество?

Я киваю:

– Все благодаря тебе. Спасибо.

«Спасибо, что спас мне жизнь. Спасибо за твою дружбу. Спасибо за то, что ты есть», – договариваю про себя.

– Будешь шоколадку?

– С удовольствием. Можно спросить? – Натаниель садится напротив меня. – Вот уже несколько дней меня мучает один вопрос, Майлин. Кто тебя побил?

Я вздрагиваю, будто меня ударили снова.

– С чего ты взял, что меня побили?

В темноте я почти не вижу его лица, но понимаю: он разочарован, что я уклоняюсь от ответа.

– У тебя на виске маленький синяк, – Натаниель касается его пальцем. Синяк едва различим, но все еще болит. – Похоже, кто-то залепил тебе неслабую оплеуху.

Открываю рот, чтобы ответить, но не могу выдавить ни слова.

– Не хочешь об этом говорить? – догадывается Натаниель.

– Ты тоже не все мне рассказываешь, так ведь?

Он отвечает не сразу, будто мой вопрос сбил его с толку и ему надо подумать.

– А ты спроси, – просто предлагает он.

– Алис! – вырывается у меня.

Не надо об этом спрашивать! Боюсь, узнав правду, я не смогу считать Натаниеля другом. Но уже поздно.

– Почему ты хотел жениться на Алис, хотя…

– Хотя она любила Салливана?

– Хотя она не хотела за тебя замуж. Проклятье, да она вообще не хотела замуж!

Опустив голову, Натаниель ерошит волосы.

– Вот как. Теперь я понял, за кого ты меня держишь. Ничего удивительного, что ты предпочла Салливана.

Я молча пододвигаюсь к нему ближе. Надеюсь, мы останемся друзьями несмотря ни на что.

– История тебе не понравится, – сдержанно говорит Натаниель, а я чувствую, как по спине бегут мурашки. – Но ты сама спросила. Дело было четыре или пять лет назад. Родители Алис владели продуктовой лавкой с закусочной во внешнем кольце Рубии и еще одним магазинчиком во внутреннем кольце, где проходит ярмарка. Место выгодное, но очень дорогое. Они влезли в долги.

«И ты купил их дочь?» – мысленно спрашиваю я.

– Некоторое время Королева относилась к этому с пониманием.

Мне потребовалось мгновение, чтобы вспомнить, о какой Королеве он говорит. Моя сестра, которую я позабыла. Моя сестра, скрытая тенью. Удивительно, но мысли о ней больше не причиняют боли. Может, потому, что я ее *не помню*. Только от титула «Королева» мне как-то не по себе, будто за моим плечом стоит призрак.

– Тут появился торговец из Отрельи, который познакомился с Алис во время торгового путешествия. Он предложил ее семье выгодную сделку, а взамен потребовал отдать за него дочь. Но та отказалась, и родители попросили Королеву переубедить ее.

– Разве Королева может повлиять на то, выйдет девушка замуж или нет?

– Еще как может. Королева – единственная, кто вправе принимать решения в интересах горожан, когда те не понимают, какую выгоду упускают.

Какой ужас…

– И Королева согласилась?

Сестра из благих побуждений принуждала девушку к свадьбе? В голове не укладывается!

– Она пообещала подумать и обратилась ко мне за советом. Я убедил ее отказаться. Тот торговец был… – Натаниель устало вздыхает. – Он был слишком стар для пятнадцатилетней девушки, но это меньшее из бед. Мне стало жалко Алис. Она мне нравилась, поскольку всякий раз, когда я покупал что-то в их лавке, она давала мне сухарик или битое яблоко – для моей лошади. Тогда мне казалось, будто Алис со мной заигрывает. Но теперь я понимаю, что она питала слабость к красивым лошадям, – Натаниель едва слышно смеется. – Однако родители Алис были уверены, что свадьба решит все их затруднения. Королеву заботило благополучие их семьи, но она учла желание Алис. Мы много об этом говорили, и Ее Величество предложила мне самому посвататься к Алис.

– Ну понятно, – иронично усмехаюсь я. – Так ведь гораздо лучше.

– Я не сделал бы ничего, что ей… – возмущенно возражает Натаниель, но осекается. – Ладно, ты права. Плохая была идея. Мне пришлось выбирать, что для Алис лучше, чума или холера. И не вини меня за принятое решение. Холеру пережить можно, чуму – едва ли.

Я вздыхаю.

– И не забывай, пожалуйста, что тогда Ее Величество сама готовилась к свадьбе, – продолжает Натаниель. – Она не предложила ничего, на что не готова была пойти сама, ведь тоже выходила замуж только по расчету. И не понимала, почему Алис отказалась от брака с уважаемым и богатым человеком.

«У Натаниеля не было выбора, – осознаю я. – Он не мог поступить иначе».

– А ваша драка с Лиамом?

– Каждый вечер я приходил в дом родителей Алис, – голос Натаниеля звучит глухо. Он говорит о том, о чем предпочел бы молчать. – Все лелеял надежду, что Алис оценит меня по достоинству, если узнает поближе, поэтому не надевал маску королевского воина. И вот однажды у ее дома я встретил юношу, который сказал: «Разворачивай свою клячу, и чтобы духу твоего здесь больше не было. В противном случае будешь иметь дело со мной».

Грудь пронзает болью, будто мне в сердце всадили острый нож. Отчетливо представляю себе Лиама: вот он, долговязый, чумазый после работы, сжимает в руках какой-нибудь инструмент. Ему очень страшно, но он не показывает виду.

– Я понятия не имел, кто он такой. Сначала принял его за слугу торговца. В общем, его речь меня не впечатлила. Завязалась словесная перепалка, и тут он швырнул мне в лицо дорожной пылью, чтобы подобраться ближе. Затем ударил меня стамеской в живот, и я… устроил ему заслуженную выволочку. – Звук, вырвавшийся из груди Натаниеля, похож на удовлетворенный смешок. – Ну, ты себе представляешь. Я был королевским воином. Конечно, я только начал служить, но он об этом не знал, да и какая разница? За одно дерзкое словцо я мог бы посадить его за решетку.

– И он выстоял, – шепчу я.

Против вооруженного королевского воина, имея при себе только стамеску.

– Нет, – мягко отвечает Натаниель, – не выстоял. Я показал ему все, на что способен, устроил для зевак настоящий спектакль. У Салливана не было ни единого шанса, но я не собирался его калечить или убивать. Меня восхитила его смелость.

Во рту у меня сухо, а в носу щиплет.

– Что случилось дальше?

Сама знаю: дальше случилось то, что все изменило.

– Взошел месяц. Знаешь, как у нас раньше называли месяц, Майлин? В Завременье его до сих пор так называют.

– Луна?

– В Лиаскай говорят: Луна, потаскуха ткачей снов. Салливан почерпнул магию из лунного света и обрушил ее на меня. Она проникла в сердце, прямо в душу, если ты веришь в ее существование. Так глубоко… я думал, она меня уничтожит.

Сердце бьется так сильно, что у меня кружится голова. Не понимаю, о чем говорит Натаниель, но до лихорадочной дрожи желаю понять.

– Тогда я никого по-настоящему не любил. Родителями восхищался, Королеву почитал. Но любить? Нет. Алис я жалел, а другие девушки меня не интересовали. Мужчины и подавно. Однако в тот миг, когда я занес над ним меч, мне вдруг почудилось, что я намереваюсь отрубить ему голову. Но я этого не хотел, собирался лишь проучить за дерзость… И тут я с пугающей ясностью осознал, что здесь и сейчас убью единственного человека, которого мог бы полюбить. Я не хотел. Что угодно, только не это. Но я был уверен, что вот-вот убью его. Знаешь… не могу подобрать слов, чтобы описать все чувства, которые испытывал тогда. Я увидел внутри себя чудовище, изгнанное этим юношей в преисподнюю, где оно будет вечно гореть в собственном одиночестве. И знаешь, что сделал Салливан?

Горло у меня сжимается. Я никогда не слышала эту историю. Меня там не было, никто мне ничего не рассказывал, а Лиам уверял, что все забыл. Но я знаю, что он сделал. Это не смутная догадка, нет, я твердо уверена, будто Лиам стоял тогда прямо передо мной. Потому что знаю его.

– Он улыбнулся.

И что-то сказал. Но из-за шумящей крови в ушах я не разбираю слов.

– Да. Он улыбнулся. И сказал: «Всего одна эта жизнь. Разве одна-единственная жизнь что-нибудь значит?» Я не мог выдавить из себя ни звука. Умом понимал, что я этого юношу

не знаю и он для меня ничего не значит. Совсем ничего. Но мой ум был парализован магией, а чувства, срывая голос, кричали, что эта жизнь значит все. Все.

Глава 16

Воцарившееся молчание становится гуще и тяжелее. Взяв руку Натаниеля, я невесомо целую ее.

– Это все магия натворила, – тихо уверяю я. – Не думаю, что ей вообще возможно противостоять.

– Именно поэтому я вздохнул с облегчением, что его схватили и взяли под контроль, – отвечает Натаниель, но в его голосе нет ни тени суровости. – Во всяком случае, я убедил себя в этом. Но во мне навсегда осталось немного магии ткача снов, которой он помутил мой рассудок. Поэтому я даже жалел, что на него надели винкулас.

«*Конечно*, – мысленно отвечаю я. – *Но магия Лиама здесь ни при чем. Ты жалел, потому что в глубине души и сам жаждешь свободы*».

– А затем ты узнал, что он сбежал вместе с Алис и разрушил винкулас?

Вот зашла речь о магических оковах, и я тут же вспомнила, какая опасность угрожает Натаниелю в Лиаскай. С помощью этой мерзкой штуки Король может взять контроль над телом Натаниеля, заставить его делать ужаснейшие вещи. Кассиан не должен узнать, что со мной вернулся его королевский воин. Сначала нам надо разобраться с винкуласом.

Натаниель вздыхает:

– Да. «Хоть бы сдохли!» – в сердцах подумал я, но позже, обуздав гордыню, пожелал им счастья. И понадеялся, что больше никогда его не увижу.

Прекрасно понимаю. Магия Лиама потрясла Натаниеля. Надо признать, что Лиам все сделал гениально. С помощью магии ткачей снов он заронил в голове Натаниеля нечто такое, чего тот никак не ожидал. Натаниель наследник клана и королевский воин, он защищен от всего грубого, уродливого и жестокого. Но от чувства, от любви защиты нет. Оказавшись в беде, Лиам с поразительной точностью попал прямо в сердце. Не буду отрицать, он на такое способен.

Поправив подстилку, Натаниель кое-как улегся – здесь очень тесно.

– Надо поспать. Завтра нам предстоит очень тяжелый путь.

Я тоже устраиваюсь поудобнее.

– И еще, Майлин. Ты уверена, что любишь его по-настоящему? Я вот думаю, что ты ошибаешься. Магия так не может. А Лиам Салливан – еще как.

Мгновение я напряженно соображаю, на что это Натаниель намекает.

– Ты об этом не знаешь, – объясняю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, – однако Лиам не просто уничтожил винкулас. Магия, заключенная в спираль, тоже исчезла.

Только я в этом не очень уверена.

– Но какой смысл тебе что-то объяснять? Ты все равно продолжишь верить, что Лиам внушил мне эти чувства, и будь все нормально, я бы его не полюбила. И в этом *ты* ошибаешься.

– Сложно понять, что ты в нем нашла. Он из ткачей снов, и какая-то его часть всегда будет в тени, скрытая даже от тебя. У него всегда будут тайны. У луны есть темная сторона, и постигнуть ее до конца не дано никому в целом мире. Я не исключаю, что он мог лишиться магии. Но наследие клана по-прежнему в нем. Ты никогда не сможешь всецело доверять ему. Да ты сама это знаешь.

– Может, и так. Лиам преступник, и он никогда этого не отрицал. Однако это только личина. И за ней прячется пугающе мягкое сердце.

– И за ней прячется тот, кто манипулирует людьми, – перебивает меня Натаниель.

Но я еще не договорила.

– Конечно. А еще глубже – тот, кто готов рискнуть всем ради близких ему людей, и без разницы, как много страданий это принесет ему самому. Кто таится за другими личинами… возможно, я никогда не узнаю. Но я не наивная простушка и знаю, на что иду.

– Ты не наивна, это точно, – соглашается Натаниель. – Но мы долго не были в Лиаскай. Почему ты твердо уверена, что он тебя дождался?

– А почему ты твердо уверен, что солнце снова взойдет?

– Я полагаюсь на свой опыт.

– Очко в твою пользу. Отвечу так: я тоже опираюсь на свой опыт. У нас ничья.

Чувствую, что Натаниель подавляет тяжелый вздох – до чего я упрямая.

– Майлин, на случай, если ты ошибаешься, – произносит он, а я отчаянно желаю, чтобы он не замолчал. – У меня тоже есть тайны. Но я делюсь ими с тобой.

И тут меня осеняет. Может, до этого вечера Натаниель никому не рассказывал, что на самом деле сделал с ним Лиам.

– Знаю, – шепотом заверяю я.

Но больше ничего не говорю.

Глава 17

На следующее утро мы отправились в нелегкий путь по сугробам. Местами снег доходил нам до пояса. И вот к вечеру мы добрались до деревни, где повстречали людей.

«Чем мы будем расплачиваться?» – с тревогой думала я, но все затруднения разрешились на удивление легко, хотя мы путешествовали инкогнито. Мы попросили у местных горячую похлебку или немного черствого хлеба, а еще позволить нам заночевать в каком-нибудь теплом амбаре, и нас приняли очень радушно, окружили такой заботой, что мне даже стало неловко. Я потихоньку начинаю понимать, что дело в Лиаскай и незримом влиянии Тиары Стелларис. Поэтому люди со мной так приветливы. Смогу ли я с помощью этой силы заставить народ делать для меня разные вещи? Ее часто использовали во зло?

Я решила оставить все как есть, поскольку не доверяю этому особому дару. Может, я воспользуюсь им однажды, чтобы разрушить то заклинание.

Мы ждем, когда растает снег и крестьянин сможет отвезти нас в поселение побольше: там есть почтовые кареты. Коротая время, мы помогаем убирать снег, чиним крыши, пострадавшие во время снежной бури, и получаем за свои труды несколько монет, но их слишком мало, на поездку не хватит. Однако нам везет. Погода не радует, и желающих путешествовать очень немного, поэтому возница предлагает нам пока поехать задаром и уступить место, если появится пассажир, готовый заплатить. Трое попутчиков – две явно богатые девушки и сопровождающий их старик – брезгливо разглядывают нашу простую заношенную одежду. Я чувствую, как они скользят взглядом по моим растрепанным кудрям, будто ища на них насекомых. Мы представляемся Натаном и Молли: в детстве я очень хотела, чтобы меня звали Молли. Мы ведем себя весьма вежливо и скромно, поэтому спустя полдня сестры оттаивают. Сперва они рассказывают нам о причинах своего путешествия, но это не особенно интересно, а затем начинают обсуждать политику. Вот тут я обращаюсь в слух.

Два дня мы едем вместе, а вечерами собираемся в гостинице. За это время я выясняю, что, по официальной версии, Королеву похитили, листовки с ее изображением висели на рыночных площадях по всей стране, но с приходом осени ветер порвал бумагу на мелкие кусочки и унес прочь. Придворные рисовальщики меня плохо запомнили, поэтому нас с Натаниелем никто не узнал. К счастью, в Лиаскай бледных рыжеволосых девушек не меньше, чем в Ирландии. И я уверена, что ни один рисовальщик не осмелился изобразить Королеву с кривым носом. Мускулистые темнокожие переселенцы из Амисы здесь тоже не редкость. Ко всему прочему, Натаниель с отросшими волосами и недельной щетиной совсем не похож на королевского воина, чье лицо обычно скрывает маска.

Кассиан по-прежнему Король, однако я с чувством глубокого удовлетворения узнаю, что после моего побега ему приходится несладко. Молли делает вид, что очень возмущена: представители Кеппоха, Амисы и Отрельи призывают лиаскайский народ отправить Кассиана в отставку. «Король без Королевы только место во дворце занимает!» – таков их лозунг. Некоторые лиаскайцы бегут в соседние страны, чтобы присоединиться к мятежникам, о которых тайком все шепчутся. Рубия растеряла былой лоск, все больше порядочных семей в страхе перед гражданской войной бегут из столицы. Ее наводнили негодяи, мошенники и все те, кто не прочь поучаствовать в разбое, творящемся прямо внутри городских стен. Ничего определенного сестры сообщить не могут, но положение дел столь шаткое, что они предпочли бы отправиться в Бездонное Ущелье, чем в Рубию. Молли то кивает, то в неверии качает головой. Приходится прилагать титанические усилия, чтобы не показать, какие противоречивые чувства я испытываю. С одной стороны – злорадство. Так Кассиану и надо! Но с другой – из-за всего происходящего в Лиаскай мне очень грустно. Я прекрасно понимаю, что не могу бездействовать и смотреть, как гибнет эта прекрасная страна из-за моего нежелания быть Королевой.

С каждым часом меня охватывает все большее волнение, ведь деревня воров совсем близко. Моя Нетландия, мои потерянные мальчишки… И Лиам. Так хочется поскорее вернуться туда, но в то же время мне кажется, что едем мы чересчур быстро. Прошло немало времени, вдруг изменилось то, что я считала вечным?

Я чувствую, что Лиам ждет меня. Но не превратится ли это чувство в безумие, которое заставит меня поверить в собственную непогрешимость? Мои сны лишь осколки: в них видишь не отражение, а фрагменты паники, которые могут значить как все, так и ничего.

Наконец-то мы в Брекене – это торговый город на реке Кеппа, пропахший солью, рыбой и толпой. Здесь наша поездка в почтовой карете заканчивается, и мы прощаемся со своими попутчиками. Переплываем реку на маленьком пароме, который угрожающе качает на пенистых волнах от огромных торговых судов и крохотных рыбацких лодок. Всю дорогу перевозчик костерит их на чем свет стоит. А между мной и Натаниелем печально сидит тишина, ведь мы оба знаем, что прощание неизбежно.

Последний день мы путешествуем вместе. К югу от Кеппы снег совсем сошел, но рано или поздно он выпадет снова. А пока мы хотим побыть в безопасности. В последний раз ночуем в гостинице – Натан и Молли, молодожены, направляющиеся в Рубию. Говорят, там, коли ты не трус, еще можно попытать счастья. По правде, в такую даль нам не нужно. На последние монеты и с помощью чар, дарованных мне короной, мы покупаем кобылку. Не самое симпатичное создание: уши слишком длинные, шея тощая, зимний подшерсток в колтунах. Жалкое зрелище. Но у кобылки сильные ноги и умные глаза. Она быстрая, и на ней можно пересечь Долину Ночного Прилива.

Перед рассветом мы покидаем гостиницу. В одной ладони у меня уздечка, в другой меч, замаскированный под палку. Я хочу взять Натаниеля за руку, но не уверена, что это правильно по отношению к нему. Вот под ногами захрустели ломкие ракушки, и мы останавливаемся. Ночью вода доходит досюда. Мы почти на месте.

Я прерывисто вздыхаю. Здесь наши пути расходятся, это ясно, как утренний воздух, который все еще пахнет морем. Однако…

– Я безумно боюсь.

Натаниель гладит меня по щеке.

– Понимаю. Но все будет хорошо.

– Вдруг ты прав? Вдруг он меня не дождался?

Я неожиданно осознала: мы с Лиамом были вместе всего ничего. Боже мой, у нас была только *одна* ночь! С чего я вообще взяла, что за столь короткое время он полюбил меня так же сильно, как я его? Все эти сны, намекающие, что наши чувства гораздо глубже, могут оказаться простым совпадением. Я ведь не верю в сверхъестественное – и никогда не верила!

– Встретимся в Бельдаре, – Натаниель касается моего лба в том месте, где была корона, будто видя ее. – Что бы ни случилось, поезжай туда. Договорились?

Киваю, повторяя название города:

– Бельдар.

И, собрав все мужество в кулак, признаюсь:

– Мне надо тебе еще кое-что рассказать. Ты спрашивал, кто меня ударил. Я никому не хотела об этом говорить. И сейчас тоже не хочу. Я забуду об этой пощечине, словно ее никогда не было.

– Все в порядке, ты не должна…

– Нет, я не должна, но хочу довериться тебе и рассказать о произошедшем, пока совсем не забыла. Что случилось, то случилось. – Сглотнув набежавшие слезы, я широко распахиваю глаза и моргаю, чтобы не расплакаться. – Меня ударила мама. И я это заслужила.

Натаниель растерянно смотрит на меня.

– За что?

– Я ей все рассказала. Правду о Лиаскай, о сестре, о себе самой. А она…

Битву со слезами я проиграла.

– А она не поверила, – всхлипываю я. – Решила, что у меня были галлюцинации. Я заговорила о папе. Она просила меня прекратить. Умоляла и в конце концов сорвалась на крик. Но я не послушалась. Рассказала ей все. Мол, папа никогда не бросал нас, просто его разорвало и он существует в двух мирах одновременно. Она разрыдалась, а я все говорила и говорила. Я будто перестала быть собой. Я пообещала маме, что найду папу. Да, это будет непросто, почти невозможно, но я приложу все усилия и верну его. Вот тут она не выдержала и залепила мне пощечину.

Мама никогда не поднимала на меня руку. Никогда. Это был ее принцип, и она презирала родителей, бьющих детей.

– Я вынудила ее…

– Майлин, – полным сочувствия голосом произносит Натаниель. – А затем что случилось?

– Затем я убежала, – твердым голосом отвечаю я.

Натаниель заключает меня в объятия, будто пытаясь защитить от чувства вины, как от ветра. Так мы стоим минуту-другую. После признания у меня словно камень с души упал. Я очень благодарна Натаниелю за то, что он не осуждает меня, но и не оправдывает. Мы оба знаем, с каждым ударом сердца тает отпущенное мне время. Вздохнув, Натаниель отстраняется.

– Бельдар, – хрипло шепчет он.

– Там ведь тебе ничего не грозит?

В глухих деревушках Натаниеля никто не узнает. Но если он столкнется с другим королевским воином, то вмиг окажется в смертельной опасности.

Натаниель усмехается.

– В Бельдаре безопаснее некуда. Теперь ступай, Ваше Величество, у тебя мало времени!

– Его хватит, – отвечаю я и пускаю кобылку рысью.

Времени хватит. Как и всегда.

Глава 18

Я думала, что буду паниковать. Последнее мое путешествие в Долину Ночного Прилива закончилось тем, что я чуть не утонула. Спасибо Алис, она вытащила меня из воды. Но сейчас, при свете дня долина меня совсем не пугает, хотя она весьма коварна. Сразу и не догадаешься, что здесь происходит после наступления темноты… Вдалеке виднеются Лирийские горы, похожие на капитулировавшую крепость. Мне они обещают безопасность.

Кобылка у меня настоящее сокровище, поэтому я назвала ее Золотцем. Она скачет быстро и резво, избегая трещин в земле.

И вот показалась тропа, ведущая внутрь горы. Мы добрались быстрее, чем я предполагала. Полнейшая неразбериха в голове уступает место неожиданному осознанию – я была в деревне воров один-единственный раз. Однако точно знаю, что чувствую к этому месту, поскольку никогда прежде не испытывала ничего подобного.

Я возвращаюсь домой. И все будет хорошо.

Ранний вечер. К крестьянскому двору, где живет Эвелина, я подъехала как раз тогда, когда повалил снег. Меня совсем не удивляет, что Эвелина стоит у дороги, уперев руки в бока, и сурово смотрит на меня – прямо как в нашу первую встречу. Но на ее морщинистом лице прячется чуть заметная усмешка.

Я веду Золотце в загон и вдруг замечаю среди других лошадей своего старого друга, гнедого мерина. Меня охватывает возбуждение, будто я съела «брауни с секретом», ведь деревня совсем близко. И Лиам…

– Все хорошо? – спрашиваю я Эвелину. – Лиам в порядке?

Поджав губы, Эвелина наклоняет голову сначала вправо, затем влево. И как это понимать? В ее глазах мелькает радость – думаю, это значит: «Да, он в порядке».

Я хочу сразу же отправиться в деревню, но Эвелина возмущенно мотает головой. Моя затея кажется ей совершенно глупой. Зимой в Лиаскай темнеет быстрее, чем снежинки касаются земли, так что, возможно, Эвелина права. Я больше не боюсь Тропы, Принадлежащей Камням, а если и боюсь, то не сильно. Но идти сквозь гору в кромешной темноте… да, это и впрямь глупо. С трудом подавив нетерпение, я остаюсь ночевать у Эвелины.

Домик у нее совсем крошечный. Он состоит из дощатых стен, крыши с печной трубой и пристроен к входу небольшой пещеры, отчего кажется, будто домик толкнули в гору. Внутри всего два помещения: кладовка и комнатушка, служащая одновременно кухней, гостиной и спальней. По стенам развешены пучки трав, на полках – сотни кувшинов и чаш из стекла, глины, фарфора. В домике по-деревенски уютно. После нехитрого, но очень вкусного ужина Эвелина открывает дверь и хлопает в ладоши. Козы и куры вбегают внутрь домика и устраиваются на ночлег. А я иду к источнику. Вода просто ледяная, но надо потерпеть и тщательно вымыться. Гигиена превыше всего.

Вернувшись в дом, я ложусь на брошенную на полу овчинную подстилку и укрываюсь шубой. Мне кажется, что я глаз не сомкну этой ночью. Лиам так близко… Но нас разделяют камни, и засыпаю я почти мгновенно.

Я просыпаюсь до восхода солнца. Даже куры еще дремлют. Они сидят на полках, будто их кто-то рассортировал, щурясь от света зажженной мною свечи, и пушат перья.

Эвелина похрапывает во сне, но, наверное, она почувствует, что я ушла. Разве ускользнет от нее хоть что-то? С трудом верится.

Попрощавшись с Золотцем, я иду по дороге, ведущей в Город Воров. Сумрачный утренний свет туманом дрожит в воздухе. Вот оно, ущелье – Тропа, Принадлежащая Камням. На мгновение меня сковывает страх. Я медлю… Поэтому хорошенько упаковываю все страхи в

коробку и беру с собой. Я отчетливо помню все, что говорил Лиам, когда мы в первый раз шли по этой Тропе. Я почти вижу, как он плавно идет через ущелье, словно танцуя. Лиам не задевает скалы и не медлит.

В Лиаскай медлить нельзя.

Теперь я это поняла.

Глава 19

Наконец-то я на месте. На деревне искрящимся покровом лежит снег, все жители либо работают, либо сидят по домам. По пути мне повстречался только старик с салазками, на которых лежала вязанка дров. Посмотрев на меня так, будто я – привидение, он покачал головой и пошел своей дорогой.

Я же спешу прямо к Лиаму. Там, на другой стороне улицы, хижина Алис, но я лишь бросаю на нее мимолетный взгляд. А вот и дом Лиама! Сердце бьется так сильно, что я задыхаюсь.

Лиам словно почувствовал, что я здесь: дверь открывается. Я замираю. Однако из дома выбегает не Лиам. И это не кто-то из знакомых, нет… К моему ужасу, это девушка. Прекрасная девушка с длинными волосами цвета воронова крыла, на которых поблескивают снежинки. Кажется, будто на голове у нее сверкающий обруч. Она без шубы, в большом мужском свитере, который доходит ей до колен. Обежав дом, девушка хватает кувшин – наверное, его выставили остудить – и торопится обратно в тепло. На пороге она ненадолго останавливается, чтобы стряхнуть снег, и посылает воздушный поцелуй тому, кто ждет ее в доме. Прежде чем дверь захлопывается, я слышу, как они смеются, и в их смехе сквозит любовь.

Почему ты так уверена, что он тебя дождался?

Надо успокоиться и все хорошенько обдумать. Но мысли путаются и голова у меня идет кругом. Полная чушь смешивается с благоразумием, здравые рассуждения преследуются обидой и болью.

«Мы провели вместе так мало времени. – И все же это было особенное время! – Дура, у вас была одна-единственная ночь. – Он рисковал ради меня жизнью. – Проклятье, прошло полгода, откуда ему было знать, что ты вернешься? – Но это я вижу его кошмары, а не она!»

По той девушке сразу видно, что она понятия не имеет о его кошмарах! Да-да, может, я несправедлива, но…

– Ма… Майлин? – окликает меня тихий тонкий голос.

Испуганно обернувшись, я замечаю Алис. Она стоит перед своей хижиной, закутавшись в шаль. Лицо у нее бледное, как луна, глаза широко распахнуты, словно она увидела привидение. Что ж, именно привидением я себя чувствую. Жаль, что не могу раствориться в воздухе!

– Откуда ты… что ты здесь делаешь? – недоверчиво спрашивает Алис. – Столько времени прошло, почему?..

– Я хотела вернуться раньше! – невольно вырывается у меня. – Но не получалось. Я так долго искала способ…

– Корона. Ты освободилась от нее?

– Нет, – качаю головой я.

Алис недоуменно моргает.

– Значит, все было напрасно?

– Нет!

Увы, но я и сама понимаю, что Алис права. Опасное дело, которое затеяли Алис, Лиам и другие, чтобы вызволить меня из дворца, ничем мне не помогло.

– Не знаю, – вздыхаю я.

Подойдя, Алис сжимает меня в объятьях, и я чувствую, что плечи у нее трясутся.

– Как же ты вернулась? – допытывается Алис, стряхивая снег с моих плеч, волос. – И что с тобой приключилось? Ты будто несколько недель провела в дороге.

– Может, зайдем внутрь? – я бросаю взгляд на дом Лиама. – Не хочу, чтобы он меня увидел. Сначала надо выяснить, что…

– Лиам? Да он в обморок хлопнется, когда тебя увидит.

И мы идем к хижине Алис.

– Такого я не ожидала, – признаюсь я. – Думала, он… Проклятье, да я ни о чем не думала, просто пришла, и все.

– Он изменился, – тихо отвечает Алис. – В стене, которую он возвел вокруг себя, появились трещины и дыры. Но он не стал ее чинить. Просто построил новую, с множеством укрепительных валов, бойниц и рвов.

Я с нездоровым удовлетворением убеждаюсь, что он нашел себе новую подружку. Та девушка выглядела преисполненной любви. И счастливой. Возможно, она смогла ему помочь. У меня это никогда бы не получилось. Я просто заставила его убрать всю оборону, и он остался совершенно беззащитным. А затем я бросила его одного.

Взяв меня за руку, Алис ее сжимает так крепко, что кажется, будто она вот-вот сломает мне пальцы.

– Какое облегчение, что ты снова здесь. Скорее, пойдем к нему. Но неплохо бы позвать с собой повитуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.